

**п оч и н и
м о ю м е ч т у**

Нина Резун

18+

Нина Резун

Почини мою мечту

«Автор»

2026

Резун Н.

Почини мою мечту / Н. Резун — «Автор», 2026

После аварии жизнь Ксюши резко меняется. В ней появляется школьная подруга Саша, а позже — загадочный художник. Благодаря этим встречам Ксюша узнает правду о муже, о себе и о темных событиях детства, о которых она много лет старалась не думать. Ксюше придется побороть страхи и сделать выбор между удобной ложью и болезненной, но освобождающей правдой. Ответить на вопросы: можно ли быть счастливой, если с детства внушили, что любовь нужно заслужить? И можно ли починить мечту, разбитую вдребезги?

© Резун Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	40
Глава восьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нина Резун

Почини мою мечту

Нина Резун
Почини мою мечту

Глава первая

2022 г.

«Сашка, как же мне тебя не хватает». Ксюша Фефелова смотрела на фотографии школьной подруги и узнавала в ней прежнюю Сашку. На каждом снимке ее словно распирала изнутри неукротимая радость. Она улыбалась так широко, что Ксюше чудилось, будто она слышит ее хохот и видит вздрагивающие от смеха плечи. Саша дурачилась перед камерой, принимая самые нелепые позы, — словно ей было тесно в статичном кадре и хотелось вырваться за его пределы.

На другой фотографии Саша была в медицинском халате, с маской, скрывавшей улыбку, которую Ксюша угадывала по смешливым уголкам глаз. В одной руке Саша держала стойку с капельницей, в другой — наполненный шприц. Позади нее виднелись больничные стены и белые занавесочки, и она вся в белом — воплощение собственной мечты: о медицинском институте, карьере врача. Неужели все получилось? «Вот бы у нее спросить...» — прошептала Ксюша, вглядываясь в синие глаза.

На следующих фотографиях, вероятно, со встречи выпускников, проплыла галерея лиц, знакомых и чужих одновременно. Время безжалостно поквиталось со многими ее одноклассниками: кто-то расплылся вширь, кто-то расстался с волосами, кто-то поседел. Но были и те, кого годы почти не тронули, — как Сашку. И как Никиту Никитина, которого все называли Хакасом.

Это прозвище срослось с его обликом: с раскосым разрезом глаз, доставшимся от отца, с широкими скулами, теперь ставшими резче. Ксюша не вспоминала о нем долгие годы, но один взгляд на его фотографию — и память отозвалась всеми пятью чувствами. Она ощутила прохладный воздух березовой рощи, запах сирени, приглушенные звуки музыки из зала кафе и тепло его голоса, когда он рассказывал о своей сестре. Ксюша снова почувствовала, как сердце екнуло, когда губы коснулись ее губ... Но она моргнула, отгоняя видение, и палец щелкнул мышкой дальше, к следующему кадру, прочь от горьких воспоминаний.

Перед глазами появилась новая фотография — Сашка на Театральной площади у фонтана с незнакомым мужчиной. Она сменила цвет волос: вместо брюнетки стала блондинкой. И снова улыбалась. В одной руке сжимала банку пива, а другой игриво упиралась в грудь темно-волосому спутнику. Тот притянул ее к себе за талию, а Сашка изображала сопротивление. Но в ее глазах не было ни тени злости, одно лишь озорство. Сопротивление не больше, чем игра.

Ксюша щелкнула мышкой дальше. И снова узнаваемые черты Красноярска — на этот раз остров Татышев, где проходил какой-то праздник. На сцене, устроенной прямо под открытым небом, выступала музыкальная группа, и Сашка в окружении друзей подпевала и танцевала. Ни одного знакомого лица среди них. Эти люди из той Сашиной жизни, о которой Ксюша ничего не знала.

Далее шла череда фотографий: Столбы¹, торговые центры, кинотеатры. Сердце сжалось от внезапной догадки. «Неужели Сашка переехала, и теперь мы живем в одном городе? И так легко встретиться... Только хочет ли этой встречи Саша?»

Они не ссорились. Но много лет назад между ними произошла неприятная сцена, после которой они не виделись. Саша тогда разозлилась и наговорила кучу обидных слов. У Ксюши от них кровоточило сердце, но она не перебивала и не спорила. Она просто сбежала. Разочаровалась во всем и едва не совершила страшную ошибку. События того дня теперь — будто чужая жизнь, но шрам от них был до сих пор.

¹ Красноярские Столбы — национальный парк, который находится в окрестностях Красноярска.

Несколько раз Ксюша порывалась написать Саше, узнать, как сложилась ее судьба: окончила ли она медицинский, вышла ли замуж, есть ли дети. Но та злоба, что звучала в голосе Саши в тот вечер, останавливала. Ксюша боялась, что в ответ прозвучат резкие слова, которые снова ранят.

Год назад Ксюша нашла Сашу во ВКонтакте и не удержалась — добавила в друзья. Саша не сразу отозвалась, и Ксюша решила, что та по-прежнему на нее обижается. Прошел месяц или больше, когда прилетело уведомление, что Александра Зайцева приняла заявку. Ксюша хотела тут же написать ей и задать накопившиеся вопросы. Но в тот момент была чем-то занята, потом еще чем-то, и, когда добралась до соцсетей, пыл угас. Кроме согласия от Саши не было ни слова, и это настораживало. Может, она просто шлепнула на кнопку «Добавить», не задумываясь, кто это? У Саши в друзьях было полторы тысячи человек, и одним больше, одним меньше — какая разница? Если бы хотела что-то узнать, разве бы не написала сама, принимая заявку? Прошли годы, она могла переосмыслить произошедшее, осознать вину и попросить прощения. Но она этого не сделала.

И вот Ксюша в который раз листала ее фотографии в ВК и хотела написать. И снова не решалась. Уже одиннадцать часов вечера, завтра рабочий день, и пора идти спать, но Ксюша в полумраке кухни как приклеенная сидела за столом и таращилась в веселые глаза Саши.

Рядом на диванчике, свернувшись клубочком, спала кошка. Она всегда приходила на кухню и ложилась рядом. Ксюша погладила ее по голове, та чуть пошевелила ушами, но глаза не открыла. Ксюша улыбнулась и вернулась мыслями к ноутбуку.

Казалось бы, что сложного написать? Саша находилась на другом конце города, края или вообще страны и не могла причинить вреда, но обратиться к ней было так же страшно, как если бы она стояла рядом. А ведь сколько писем она настрочила Саше за эти годы! Ксюша вела записи как дневники, откровенничала и мысленно разговаривала с ней. В ее мечтах они снова были подругами.

Она прокралась в соседнюю комнату и нашла в ящике шкафа ту самую тетрадь, вернулась с ней на кухню. «С чего же я начала нашу переписку?» — подумала Ксюша, открывая первую страницу.

Привет, Сашка. Ты, наверное, удивилась, но я вышла замуж. Ты же знаешь, как я хотела семью, и теперь она у меня есть. Моя собственная...

Ксюша не стала выражать сожаление о том, как они расстались. Она писала так, будто они просто разъехались по разным городам, но продолжали общаться как подруги. Начать с таких же слов новое письмо, которое не будет лежать в ящике, а достигнет адресата, было бы странно. Как будто солгать себе и Саше, что все по-прежнему и между ними нет обид. Но почему тогда они столько лет молчали?

Ксюша повернула голову к ночному окну. От него веяло прохладой, и ступни начинали замерзать. Штор на окне не было, только вертикальные жалюзи, но она редко их задвигала, любясь городом. Кто-то вдалеке запускал фейерверки, и через приоткрытое окно Ксюша слышала их пальбу, но самих фейерверков не видела. Золотыми бусинами вдоль дороги рассыпались фонари, и мелькал свет запоздалых фар. Неоновые огни вывесок магазинов и аптек добавляли света, и можно было разглядеть полуночных пешеходов. Легкий шум автомобильных шин, гул жигулевских двигателей и сигналы клаксона заряжали ночной воздух напряженной, почти электрической энергией, создавая ощущение постоянного движения.

«Привет, Саша. Как давно мы не виделись. Давай встретимся», — набросала в голове начало письма Ксюша.

Нет, не то. Слишком быстро. Надо сперва прощупать почву.

«Привет, Саша. Как дела?»

И Ксюша представила скудный ответ: «Нормально». Ни о чем. Надо написать так, чтобы она ответила подробно. Или хотя бы дала основание для следующего вопроса.

«Привет, Саша. Ты переехала в Красноярск?»

«Да», — вообразила Ксюша ее ответ. «Здорово! Давай встретимся».

А если она напишет: «Мне некогда» или «Зачем?»

«Я не тороплю. Когда у тебя будет время» или «Хочется тебя увидеть и поговорить. Мы ведь были не чужими друг другу».

Ох, нет. Она словно навязывалась.

Ксюша снова посмотрела на экран монитора. От долгого бездействия он потух, и пришлось пошевелить мышью и ткнуть на «Войти». И снова веселая Сашка перед глазами. Скорее всего, незамужняя, на что указывало отсутствие обручального кольца. Да и мужчины около нее всегда разные. А ребенка и подавно нет, и ничего — выглядит счастливой. Какое ей дело до старой подруги, которая когда-то была ей почти сестрой? Сестрой... Это была бессознательная мечта Ксюши, ставшая реальностью. На короткие три года.

Ее взгляд скользнул по следующим строкам в тетради, где она рассказывала подруге о муже: о знакомстве с ним, переезде в Красноярск, совместной жизни на протяжении года. Затем — о непростых отношениях со свекровью, о беременности, о том, как на УЗИ узнала, что будет девочка... Потом Ксюша захлопнула тетрадь и, точно она ядовитая, отбросила в сторону, заставив кошку вздрогнуть. Перешла на свою страничку в ВК и стала листать ленту. Она изучала один пост за другим, словно в них был единственный ключ к нужным словам для Саши.

Подписываясь на самые разные группы, Ксюша не ограничивала себя одной тематикой. Ее лента представляла собой пеструю мозаику: страницы психологов и педагогов соседствовали с блогами юристов и редакторов, а посты врачей — с творчеством артистов. Также она регулярно читала новостные сообщества, следя за тем, что происходит в городе. Она редко оставляла комментарии, но, если тема ее цепляла, с интересом изучала мнения других людей.

«А вы знали, что стрижи — единственные птицы, которые не ходят по земле?» — и далее в посте рассказывалось об этих птицах и их особенностях.

«Тем, кто сдает донорскую кровь, положено два оплачиваемых выходных дня, бесплатный обед...» — в статье информировали, где и как сдать кровь, для чего она нужна и какие льготы полагаются.

«Красноярский художник Константин Кириллов родился в семье врача и педагога, и долгое время отец-хирург хотел, чтобы сын пошел по его стопам. Но мальчик с детства больше интересовался смешением красок, чем химическими реакциями, и не оправдал надежд отца», — начала читать Ксюша следующую статью. В ней рассказывалось о детстве и юности художника, о конфликте с отцом и попытках доказать родителю, что может большего добиться на любимом поприще, чем в медицине. К статье были приложены фотографии работ этого художника и его родителей.

Ксюша вернулась на страницу подруги и застрочила: «Привет, Саша. На днях вспоминала тебя и твоих родителей и поняла, что соскучилась по вам. Ваш вклад в мою судьбу невозможно переоценить и...» Нет, не то. Слишком пафосно. Даже если это правда.

На кухню заглянул Петя. Он был в одних трусах, волосы на голове непривычно взлохмачены.

— Ксю, ты скоро? Ты же говорила сегодня самый благоприятный день, а сама застряла за работой.

Ксюша перескочила на страницу электронной почты.

— Иду, только отправлю задание ученику.

— Давай, а то у меня завтра эфир, рано вставать.

— Еще пять минут.

Петя ушел в спальню, а Ксюша вернулась на страничку Саши и быстро настрочила: «Напиши мне, если хочешь пообщаться. Буду ждать с нетерпением ответа. Или позвони», — и набила цифры своего телефона.

Из спальни послышался протяжный голос Пети:

— Ксю-у-у-ша.

«Да иду я», — пробурчала она себе под нос, стукнула Enter и закрыла ноутбук.

Затем пошла в душ. Мысли ее уже были далеки от Саши и полностью перенеслись в спальню. Предстоящая близость с мужем свинцом ложилась на дно живота, туда, где должно было появиться желание. Но вместо него в ней пробуждался страх, который возник задолго до появления Пети в ее жизни — после того, как она получила тяжелую травму в юности. И хоть Ксюша с мужем были женаты больше десяти лет, она так и не научилась расслабляться и получать удовольствие в постели. Вместо этого была лишь сделка, которую она заключила сама с собой. «Ради ребенка, — повторяла она про себя. — Просто потерпеть. Однажды все получится — получится и сейчас. Не думать о прошлом и расслабиться. Ведь он не причинит мне боли». Это была ее мантра против накатывающей волны паники, которая поднималась из того места, куда она когда-то заточила парализующий страх.

Она тщательно вытерлась полотенцем, словно избавляясь от нервозности, и надела красное белье. Но по ощущениям — униформу для предстоящей битвы с самой собой. Вошла в спальню и окунулась в мягкий полумрак. Бра отбрасывало на стену апельсиновый круг, в центре которого спал Петя. Его ровное дыхание стало для нее не только неожиданностью, но и спасением. И первая мысль, что его можно не будить, а просто выключить свет и подарить себе еще одну ночь перемирия, как белый флаг взвилась на подкорке мозга.

Она медленно забралась под одеяло, глядя на его расслабленную спину. Битва в ее душе достигла апогея. Желание стать матерью схлестнулось с цепенящим страхом. Она вспоминала, как каждый раз, пересиливая себя, смотрела в потолок и набрасывала список дел на завтра, составляла меню, делала уроки с учениками — лишь бы создать хоть какой-то мысленный берег, за который можно ухватиться, пока реальность происходящего затопляла ее. И это теплое желание побеждало. Оно оказывалось сильнее страха. Так нужно было поступить и сегодня — найти точку опоры в отвлеченных мыслях, чтобы ее тело могло выполнить свою часть договора, пока сознание будет парить под потолком, думая о домашних делах, списке продуктов и о том, как однажды она будет держать на руках своего ребенка.

Она осторожно протянула руку и коснулась ладонью плеча Пети. Он не шелохнулся. И в этот момент в тишину комнаты ворвался резкий звонок телефона. Петя вздрогнул и проснулся. Заморгал, с недоумением оглядел постель, как будто не понимая, как в ней оказался. Потом его взгляд упал на светящийся экран телефона. «Мама», — пробормотал он хрипло и перевел взгляд на Ксюшу. Она увидела, как в его глазах вспыхнула искра желания. Он потянулся к Ксюше, игнорируя назойливый звонок, его рука скользнула по ее груди.

Но тут она сказала, вмиг охладив его пыл:

— Возьми телефон.

Петя замер, вздохнул и взял телефон.

— Да, мам, что случилось?

Ксюша незаметно выдохнула и прислушалась к тиканью внутренних часов, отсчитывающих время до следующей битвы внутри себя. Случится она через несколько минут или завтра, она еще не знала, и поэтому особо не расслаблялась.

— О черт... — выдохнул Петя, а после короткой паузы добавил: — Когда похороны?.. Хорошо, мы приедем.

Глава вторая

Мария Степановна, бабушка Пети, не пережила последствий ковида. Два года назад она похоронила мужа, Сергея Петровича, павшего жертвой той же болезни. Сама она тогда выкарабкалась, но ковид не прошел бесследно: подорвал здоровье, ослабил сердце и сосуды, а заодно — помутил рассудок. Мария Степановна стала забывать выключить плиту, бросала в суп нечищеную картошку, бродила ночами по дому, а однажды вышла на лестничную площадку и не могла вспомнить, где её квартира. Родственники поняли: за ней нужен постоянный присмотр. Её отправили в поселок к дочери, Ольге Сергеевне. Там она и доживала последние дни.

На похороны съехались родственники и пришли соседи. Из комнаты вынесли всю мебель, кроме стола, стульев и двух кресел. У соседей попросили еще один стол, который разложили рядом с хозяйским. Где-то нашли две длинные лавки. По подсчетам Ольги Сергеевны, за ними могли уместиться все гости. Окно приоткрыли, чтобы комната наполнилась свежим воздухом, и с улицы потянуло прохладой и сыростью. В середине апреля погода не радовала теплом. В день смерти Марии Степановны за городом выпал снег и еще лежал на обочинах блестящей коркой.

Ксюша расставляла тарелки на столе, застеленном белой клеенкой с красными цветами, и вспоминала Марию Степановну. Когда-то они дружили. Бабушка была единственным человеком в семье Пети — не считая его самого, — кто относился к Ксюше с теплотой. Остальные либо игнорировали ее, либо презирали.

Когда Ксюша бывала свободна, она возила бабушку на почту за пенсией. Тогда они уже жили отдельно, но расстояние не было помехой для помощи старушке. Несколько раз она подвозила Марию Степановну в банк. Ксюша часто слышала от нее фразу: «Надо отложить на черный день», — и догадывалась, что поездка связана именно с этим.

Воспоминания рассеялись как утренний туман, когда Ксюша услышала за спиной Тамару Ильиничну, свою свекровь:

— Да простит меня Бог, но только к лучшему, что старуха умерла. Какая от нее польза? Прибрала бы «корона» ее два года назад, и не пришлось бы ей ни самой мучиться, ни нас мучить.

Тамара Ильинична говорила тихо, но отчетливо, озираясь по сторонам.

— Так-то оно так, но жалко тетушку, — отвечала ее собеседница шепотом, отчего Ксюше пришлось наострить уши, чтобы расслышать. — Хорошая была, слóва от нее плохого никогда не слышала.

Ксюша не рискнула обернуться и посмотреть, кому принадлежал этот голос. Однако он показался ей знакомым.

— Это потому что ты с ней не жила, — сказала Тамара Ильинична. — А вот мне она достаточно кровушки попила. С виду божий одуванчик... была, а копни глубже, так один перегной.

Ксюша огляделась, проверяя, не слышал ли кто слова свекрови. Тамара Ильинична, несмотря на траур, не стеснялась скверно выражаться о матери мужа. Взгляд наткнулся на сгорбленную фигуру Дмитрия Сергеевича, мужа Тамары Ильиничны. Он сидел в кресле, которое пряталось за дверями, и оттого не мог быть замеченным своей супругой. Но даже если бы она и видела его, сомнительно, что это остановило бы ее от неосторожных высказываний. Он обхватил голову руками и уперся локтями в колени, устремив взгляд в пол. Не шевелясь, он был похож на статую. Не отличаясь крепким телосложением, сейчас он выглядел еще более тщедушным и уязвимым. Казалось, за две последние ночи на его голове не осталось ни одного темного волоса: он постарел на несколько лет.

— Не стоит так говорить, Томочка. Тетушка многое для тебя сделала. Квартиру вам с Димой отписала, Петю с Настей помогала воспитывать.

— Ничего-то ты не знаешь, Жанка. Может, и помогала с детьми, но как будто одолжение делала. Сама-то не вызывалась, просить всегда приходилось. Любила, чтобы я унижалась перед ней. Кабы не «корона», мучилась бы с ней еще лет десять. Я сама бы в могилу быстрее слегла. Но Бог все видит.

Ксюша снова оглянулась на Дмитрия Сергеевича, и ей показалось, что его тело стало подрагивать. Плакал? Он крепче стиснул голову, пальцы его побелели, а видимая ей часть лба покраснела. Она хотела подойти к нему и утешить, но боялась сделать только хуже. Между ними не было близких доверительных отношений, и что сказать ему, чтобы облегчить боль, она не знала.

Оборвать Тамару Ильиничну она тоже не посмела. С годами Ксюша поняла, что свекровь быстрее успокоится, если выговорится и не получит отпора. В обратном случае яд из нее будет течь долго и отравит всех вокруг. Сегодня похороны бабушки Пети, и она не будет осквернять память старушки пререканиями со свекровью. Бог действительно все видит, он сам ее рассудит.

Ксюша закончила расставлять тарелки и обернулась, чтобы выйти из зала. За дверным проемом в полумраке прихожей кроме ее свекрови стояла низенькая курчавая женщина, в которой Ксюша узнала двоюродную сестру Дмитрия Сергеевича, Жанну Ивановну. Она тоже жила в Красноярске и приехала на похороны вместе с Фефеловыми-старшими.

Внуки и правнуки, племянники и соседи заполнили вторую комнату, в которой стоял гроб с телом Марии Степановны. Оттуда доносились глухие голоса, веяло горящими свечами и чем-то плотным и удушающим, что не позволяло Ксюше присоединиться к ним.

Она зашла туда всего один раз, когда они с Петей только приехали. Комната не была маленькой, но мебель из зала и гроб, обитый красным бархатом, украли все пространство. Гроб стоял на двух табуретах посреди комнаты, а в изголовье мерцали свечи. Их воск стекал в подсвечник, как слезы, словно оплакивая утрату. Елки за окном приглушали дневной свет, создавая полумрак, в котором тени от свечей словно танцевали на мебели. В комнате было душно и пахло чем-то сладковатым и тяжелым — то ли ладаном, то ли увядающей плотью.

Ксюша вдохнула спертый воздух и сразу же почувствовала головокружение. Ее сердце забилось быстрее, и разум помутился. Вместо гроба с усохшим морщинистым телом, застеленным белой простыней, она увидела гроб меньшего размера, в котором едва вырисовывалось маленькое тельце. Она не смела перевести глаза на лицо того, кто лежал в том гробу, но все внутри сжималось так, словно этот кто-то был ей очень дорог и близок. Ни заплакать, ни закричать она не могла — ее парализовал страх. Вокруг стояли люди в черном. Они о чем-то перешептывались и мельком бросали на нее взгляды. Как ей казалось — осуждающие.

Над гробом рыдала молодая рыжеволосая женщина, которую за плечи поддерживал высокий блондин. На его переносице пролегла глубокая складка, которая так до конца жизни и не разгладилась. Эти двое могли бы спасти Ксюшу, прижать к себе и позволить выплакаться, высказаться и вымолить прощение, но они забыли о ней. Будто бы она умерла вместе с тем, кто лежал в гробу. О да, для нее это было бы лучше. Тогда бы ее тоже оплакивали, и не было бы этих осуждающих со всех сторон взглядов. Но она была жива и не имела права даже заплакать. В этом скоплении людей, но главное, рядом с теми, кто был ей ближе всех, она чувствовала себя чужой и ненужной. Если бы она тогда исчезла, они бы этого не заметили.

Хватая ртом воздух, Ксюша выбежала из комнаты и вернулась в реальность. К гробу Марии Степановны она больше не подходила. Она вызвалась помочь Ольге Сергеевне и ее дочери на кухне и за суетой отгородилась от своих воспоминаний.

На кладбище Ксюша не поехала, чтобы снова не возбудить воображение. Она осталась приглядывать за горячим, которое готовилось в духовке. Открыла все окна, затушила свечи, и воздух сквозняком проник в каждый уголок дома.

Ксюша и Петя собрались уезжать, но Тамара Ильинична принялась их отговаривать, будто она здесь хозяйка и вправе распоряжаться, кому и когда уезжать. Она предрекала снег, уверяя, что в такую погоду ехать опасно и неоправданно глупо. Сама же с мужем планировала остаться и помочь его сестре разобрать вещи покойной. К этому делу она пыталась привлечь и Петю с Ксюшей.

У Марии Степановны остались два сундука с «приданным», как она сама их называла. Никто толком не знал, что внутри. Ходили слухи, что она прячет там фамильные драгоценности, доставшиеся ей от бабки-дворянки, которая в трудные времена сумела сберечь украшения, спрятав их в свином сарае. По легенде, искать сокровища в таком месте никто бы и не догадался. Были ли они на самом деле или их существование — лишь плод фантазии родственников, оставалось загадкой, но Тамара Ильинична твердо намерилась узнать правду первой.

Ксюше было неприятно, что свекровь так быстро после похорон захотела «разобрать вещи» Марии Степановны. Ее тело едва предали земле, а родственники уже собирались перетрясать ее тряпки в поисках мнимых богатств. Неужели нельзя подождать?

Но возмущаться Ксюша не стала: сжала губы и сдержала эмоции. «Это не моя мать, это не мое дело», — сказала она себе и бросила взгляд на Петю.

Она боялась, что он поддастся на уговоры матери и передумает уезжать. Места в доме было мало, но свекровь намекала на гостеприимных соседей, готовых приютить всех, кто пожелает остаться.

— Петя, дома Соня. Мы не можем оставить ее одну.

— Соня? — изогнула бровь свекровь, повышая тон. — Она что — маленький ребенок?

Ксюша сжала челюсти и опустила глаза, пройдясь руками по пуговицам, словно проверяя, все ли застегнуты. Были вещи, которые она не могла простить свекрови, и любое упоминание о детях из ее уст звучало для Ксюши, как звонкая пощечина.

— Мама, мы поедem. Мне завтра на работу. Я взял отгул, но только на день. — И он повернулся к двери, давая понять Ксюше, что они уходят.

Тамара Ильинична вышла следом. Петя закурил. Хмурое небо создавало ощущение сумерек, но часы показывали пять и до заката было далеко. Небольшое озеро возле дома покрылось ледяной коркой, но ветерок все равно пробрался под нее и пустил легкую рябь по воде. Пахло землей и сыростью. Почуввав движение за забором, залаяли соседские собаки. От неожиданности Тамара Ильинична вздрогнула и принялась их бранить.

За руль села Ксюша.

— Остался бы ты, Петруша, — тихо сказала Тамара Ильинична сыну. — Пусть бы она ехала одна. Все-таки бабушка умерла. Должны на работе понять.

Петя дымил сигаретой в ее сторону, но она этого словно не замечала. Тамара Ильинична разглаживала лацканы его пальто и стряхивала с него воображаемую пыль.

— Ксюша дороги не знает.

— По навигатору любой дурак доедет.

— Мам! — Он резко отвел ее руку. — Перестань! Поеду я. В городе буду — наберу тебя.

Ксюша постучала по стеклу и показала на надвигающуюся тучу.

— Все, давай, — уворачиваясь от объятий матери, сказал Петя. — За папой смотри, чтобы не пил. Плохо выглядит.

— Да что ему будет? Пропьется, проспится и забудет. Помнишь, как после похорон твоего деда было?

Вместо ответа Петя протянул руку для прощания соседу, который вышел из дома. Потом открыл дверцу и сел в салон. Запах сигаретного дыма проник в машину, и Ксюша чуть приоткрыла окно, чтобы его выветрить. Петя махнул матери рукой, и они тронулись.

Ксюша вздохнула глубже. Рядом со свекровью она постоянно находилась в напряжении: контролировала каждую эмоцию, улыбалась через силу, изображала участие и заботу, которых на самом деле не чувствовала. Когда-то ей искренне хотелось полюбить эту женщину — и быть ею любимой. Но из этого ничего не вышло. Тамара Ильинична никого, кроме собственных детей, в сердце не впускала, и что бы Ксюша ни делала, заслужить ее уважение, а тем более любовь оказалось невозможно.

Они выехали на трассу, и машина понеслась вдоль бурого березового лесочка, припорошенного снегом.

У Пети зазвонил телефон, и Ксюша, прежде чем он отклонил звонок, успела разглядеть имя абонента. Но быстро перевела взгляд вперед и придала лицу невозмутимость.

— Кто там? — спросила она.

— А... это Пашка.

Это была ложь, но Ксюша приняла ее, не моргнув глазом.

— Почему ты не ответил?

— Да будет сейчас опять про свою Таньку трюндеть. Достал уже. Она снова его на бабки развела.

Пашка Варыкин был другом Пети. Они вместе учились на журналистике, после окончания университета Паша переквалифицировался в операторы и работал вместе с Петей на местном телевидении.

Таня, жена Паши, была домохозяйкой, но постоянно искала себя в разных сферах. То она увлекалась цветоводством и разводила на балконе диковинные растения; то осваивала выпечку тортов и вела в соцсетях страничку, где делилась рецептами и даже устраивала мастер-классы; то бралась за алмазную мозаику и завешивала готовыми картинами не только собственную квартиру, но и стены друзей. Одна такая работа висела у Ксюши с Петей в прихожей.

Ксюшу скорее отталкивала, чем привлекала эта женщина, — слишком уж громкой, болтливой и падкой до сплетен она была. Но в то же время Ксюшу невольно завораживала та легкость, с которой Таня перебирала увлечения, и ее азартная вера в то, что она непременно найдет свое призвание. Этой энергии Ксюша втайне завидовала. Но замкнутость самой Ксюши и Танина словоохотливость делали нормальный диалог между ними почти невозможным. Говорила в основном Таня, и обеих это устраивало, но подругами их не делало.

Петя все попытки жены друга находил достойными лишь осуждения. В каждое Танино увлечение Паша вкладывал серьезные деньги, и их некупаемость раздражала не только его самого, но и Петю. Оба считали, что ни одно хобби не стоит усилий, если не приносит дохода.

— Чем она занялась на этот раз?

— Какими-то БАДами. Не вздумай у нее ничего покупать. Я ее знаю: и до тебя доберется, а ты отказать не сможешь и купишь.

— Хорошо, не буду.

На горизонте показался большегруз, и Ксюша напряглась. Приблизиться к нему — значило обогнать, а за городом она опасалась таких маневров. Как правило, навстречу могла ехать такая же фура, и вильнуть у нее перед носом — удовольствие не для слабонервных. Чтобы не столкнуться с этой необходимостью, Ксюша неторопливо вела машину по дороге.

— Милая, ты чего ползешь? Дорога пустая. Поднажми.

— Я никуда не тороплюсь.

— А как же Соня? Я из-за нее с матерью поссорился.

— Не преувеличивай.

Большегруз будто бы снизил скорость, и, как ни старалась Ксюша его не догнать, их «Мазда» неумолимо приближалась к нему. Деревья отступили от дороги вдаль, открыв взору вспаханные поля и нависшие над ними кучерявые черные тучи. На стеклах появились капли дождя. Ксюша понадеялась, что Петя больше не будет требовать ее ускориться, соблюдая элементарные правила безопасности. Он уткнулся в телефон, набивая кому-то сообщение, и, держа дистанцию от большегруза, она включила музыку. Но... Петя поднял глаза и просканировал ситуацию на дороге.

— Ксю, давай обгоним. — И начал переводить взгляд с дороги на спидометр, выражая нетерпение.

Он просил обогнать большегруз, говорил, что они могут ехать быстрее, но Ксюша не поддавалась. Предлагал поменяться местами, но она напоминала, что он выпил. Петя раздраженно отмахивался и стыдил ее — их обгоняли машины с меньшей мощностью. Потом Ксюша замолчала, думая, что так он быстрее утихомирится. Но Петя не успокаивался. Тогда она глубоко вздохнула и все же решила обойти большегруз. Чуть сдала влево и осмотрела дорогу впереди. В обозримой близости увидела легковушку и фуру. Взглянула в зеркало заднего вида и заметила кроссовер, который совершал похожие маневры, осматривая горизонт. Она подождала, пока встречные машины проедут, позволила кроссоверу себя обогнать и снова приняла наблюдательную позицию.

— Ну давай, смелее, — подстрекал Петя, поглядывая по сторонам.

Ксюша посмотрела в зеркало заднего вида. Машины, следующие за ней, были достаточно далеко. Высунулась влево, проверила обзор и, убедившись, что встречных нет, включила указатель поворота и начала обгон. Когда их «Мазда CX5» почти поравнялась с кабиной большегруза, он вдруг стал съезжать с полосы влево, да так стремительно, что сдвинул машину Фефеловых с дороги и прижал к дорожному ограждению. Послышался скрежет.

— Какого хрена он делает! — закричал Петя и нажал в центр руля, сигналив нарушителю.

Дальше все происходило так быстро, что свидетели происшествия не могли четко восстановить в памяти всю последовательность событий. Сами пассажиры слышали скрежет металла, ощущали, как их сдавливает салон машины, как что-то вонзается в ребра, а потом несколько кувырков и... наступила тьма.

Глава третья

1996–2000 гг.

Первой квартирой Ксюши, которую она запомнила, была двухкомнатная хрущевка на втором этаже с маленьким балконом и крохотной кухней. В комнатах пахло старостью, спиртовыми настойками и жареными семечками, а мебель, темная, покореженная и скрипучая, напоминала, особенно ночью, уродливых чудовищ.

Ксюша делила комнату с бабушкой. Старушка передвигалась по дому на коляске, но большую часть времени проводила в своей комнате перед старым черно-белым телевизором. Он показывал всего один канал, рябил, шипел и транслировал все подряд передачи, фильмы и новости. Она ругалась на ведущих, спорила с дикторами и требовала тишины, когда Ксюша играла слишком шумно или оставляла игрушки на полу, мешая проезду коляски. Бабушка не церемонилась и могла отругать внуку крепкими словечками. Девочка пугалась и плакала. На крик прибежала мать, но вместо того, чтобы утешить, тоже кричала на дочь:

— Я с работы пришла, отдохнуть хочу, а ты орешь, как будто тебя убивают! Сиди тихо и никому не мешай. А вы, Ирина Геннадьевна, звук убавьте и хоть иногда открывайте форточку, дышать совсем нечем.

— Нельзя мне форточку, болею я!

У бабушки был длинный крюк, с помощью которого в случае надобности она могла открыть форточку, но пользовалась она им крайне редко.

— Потому и болеете, что сидите в духоте.

— Ты еще меня учить будешь? Я — заслуженный ветеран труда! Сорок лет на заводе на сквозняках проработала, вот и результат. Угони свою дочь, пусть перестанет орать, голова от нее болит.

Женщины ругались, пока мать не выбегала из комнаты, хлопнув дверью. Ксюша оставалась с бабушкой и успокаивалась сама.

Когда ругань стихала, девочка убирала игрушки в ящик под кровать и забиралась на подоконник. От деревянного окна поддувало, особенно зимой, и, чтобы не замерзнуть, она стелила подушку, надевала теплую кофту и смотрела на чужую жизнь. Окна ее комнаты выходили на соседний двор, и в теплое время года она видела, как ребятишки играли на детской площадке в песочнице, качались на скрипучих качелях или катались на железной горке, а зимой — как они лепили снеговиков или играли в снежки. Она мечтала гулять вместе с ними, но одну ее не пускали, а идти с ней было некому.

Однажды она спросила у мамы, почему не может пойти гулять одна, на что получила резкий ответ:

— Ты как черт перепачкаешься, а потом стирай за тобой. Мне и детсадовских постирушек хватает. А если с горки упадешь, будешь калеккой, как твоя бабка. Оно мне надо — за вами двумя смотреть? От бабки хоть квартира достанется, а от тебя какой толк?

Ксюша не все поняла, но урок о грязной одежде усвоила. Однажды она испачкала платье в садике, и мать отшлепала ее, заставив саму стирать пятна. Ксюша, давясь слезами, терла ткань между ладоней до мозолей, пока руки не начали гореть. Потом она повесила мокрое платье на край ванны, забилась в угол и уснула.

А через несколько дней увидела в раздевалке, как мама ее подружки Вики, заметив пятна краски на одежде дочери, лишь махнула рукой: «Ничего, отстираем». Ксюша удивилась и спросила у Вики:

— Почему мама тебя не отругала?

— Потому что она меня любит.

Вечером Ксюша задала вопрос маме, любит ли она ее. Та смотрела телевизор, шелкала семечки и, нахмутив брови, взглянула на дочь.

— Опять что-то натворила?

— Нет.

— Тогда чего пристаешь? За что тебя любить?

Ксюша попыталась выяснить, за что любят, у бабушки. Та сидела на кровати с перекошенным лицом и растирала больные ноги. Ксюша опустилась на колени и стала помогать: бабушка терла одну голень, девочка — другую. Ноги у старушки были щуплые, с синими венами, шершавые и вонючие.

— Бабушка, ты меня любишь?

— Чего тебе надо? Не видишь, мне плохо?

— Вижу, поэтому тебе помогаю.

— Ты лучше пыль протри и цветы полей. Все тебе говорить надо, сама ни черта не видишь.

— Я вытру, сейчас же, — подскакивая на ноги, сказала Ксюша. — А ты будешь меня за это любить?

— Вот дура бестолковая! Я ей про Фому, она мне про Ерему. Как же тебя любить, если ты постоянно злишь всех?

Отцу Ксюша задала вопрос по-другому: «Почему меня никто не любит?» Антон Алексеевич посмотрел на нее по-щенячьи добрыми глазами и усадил к себе на колени.

— Неправда. Мама тебя любит. Бабушка любит. И я тоже.

— Тогда почему они всегда меня ругают?

— Твоя мама много работает, она устает. А бабушка болеет. Когда люди в таком состоянии, они часто раздражаются.

Антон Алексеевич рассказал, почему они с мамой уставали. У них физический труд — мама маляр, а он крановщик, — и чтобы успеть в срок сдать дом, иногда приходилось работать без обедов и задерживаться допоздна. Поэтому Ксюшу в такие дни из детского садика забирала соседка. После работы родителям хотелось просто помолчать.

Также отец пояснил, чем они занимаются, и Ксюша поняла, почему от мамы часто пахло краской. А его профессия ей показалась самой важной, потому что на стройке он был единственный крановщик и работал по специальному удостоверению, которое «абы кому не достается».

Ксюша перестала приставать с расспросами и начала наблюдать. За детьми, их родителями, бабушками и дедушками. Она видела, как детей хвалят, как им улыбаются, как целуют в макушку просто так, ни за что. Она пыталась повторять их поведение дома. Но похвалу получала только от бабушки за уборку. Мать ее стараний не замечала.

Учиться в школе Ксюша начала с огромным рвением. Учительница ее хвалила, и девочка воспрянула духом. Когда она получила первую пятерку, то летела домой и представляла, как скажет об этом маме, и та, может быть, впервые посмотрит на нее без раздражения и похвалит. Но та лишь мельком взглянула на оценку и бросила: «Тоже мне достижение! Пятерка в первом классе! Да все нормальные дети должны так учиться. Или ты ненормальная?» Ксюша закрыла дневник и больше своими успехами не хвасталась.

Во втором классе она узнала, что у мамы будет ребенок, и обрадовалась. У нее появится брат или сестра, с кем можно будет играть, кого можно будет любить. И кто будет любить ее. Просто так, без причины.

Будущему ребенку радовались и родители. Мама меньше уставала, чаще улыбалась. Отец каждый день покупал фрукты и просил дочь не докучать матери глупыми вопросами. Ксюша со всем соглашалась, ведь перемены в настроении мамы ее вполне устраивали.

Потом заговорили о новой квартире: в двухкомнатной становилось тесно, — и родители встали в очередь. С разнополыми детьми им могли дать четырехкомнатную. Такие дома на заводе строили, и, если в следующем проекте их предусмотрят, то появятся шансы переехать в новую квартиру еще до того, как малыш пойдет в школу.

Ксюше такое будущее казалось фантастическим. Ей с трудом верилось, что можно жить отдельно от бабушки, играть и никому не мешать. И ей никто не будет мешать. Бабушка храпела во сне, часто стонала от болей, и Ксюша из-за этого просыпалась. А еще бабушка мочилась в постель, и наутро в комнате было нечем дышать. Бабушка отказывалась от подгузников, и это становилось еще одним поводом для скандалов в семье.

Но воображение подвело. Вместо четырехкомнатной квартиры в новом доме они переехали в двухкомнатную в общежитии. Это случилось через месяц после рождения Женечки, ее брата.

У него заболел животик, и он стал плакать. Чтобы его перекричать, мать и бабушка драли глотку пуще него. Отец тоже срывался и ругал обеих женщин. Во всеобщем хаосе Ксюша переживала только за одного человечка. Чем громче кричали вокруг, тем сильнее плакал Женечка. Но она не могла успокоить его: мать не позволяла ей прикасаться к брату.

Скандалы привели к переезду. Отец выхлопотал на работе две комнаты со всеми удобствами и кухней, и семья перебралась в общежитие. Бабушка не верила, что сын бросит ее одну, а когда поняла, что это неизбежно, устроила истерику с угрозой переписать квартиру на его сестру. Отец плюнул: «Ну и пиши!» — и сам позвонил тетке в деревню, попросил приехать.

Кухня в общежитии была полностью обставлена мебелью. Она осталась от прежних хозяев и, хотя выглядела обшарпанной, еще могла послужить новым жильцам. В зале стояли диван-книжка и раскладной стол, а остальную мебель родители перевезли из квартиры бабушки.

Когда Ксюша оказалась в своей комнате одна, она огляделась по сторонам. Светло-зеленые обои, кое-где исцарапанные, словно ножом; тонкие шторы с затяжками по всей длине, будто кто-то решил собрать их в гармошку; старенький письменный стол и кровать, застеленная выцветшим покрывалом, — вот и все ее новое царство. Но здесь хотя бы не пахло бабушкиными мазями и мочой.

Ее мысли прервал гудок, раздавшийся через открытую форточку. Она подбежала к подоконнику и выглянула в окно. С высоты пятого этажа, где-то в низине, она увидела длинный поезд. В нем не было окошек, и двигался он медленнее, чем тот, что она видела с окошками. Он отбивал по рельсам звучные «тук-тук-тук-тук», и Ксюша повторила их, вытянув шею в попытках разглядеть, где конец состава. «Вот это зрелище! И никакого кина не надо!» — и она улыбнулась так широко, что у нее появились ямочки на щеках.

Но смотреть в окно часто не получалось. Ксюше приходилось помогать матери: стирать пеленки, мыть полы, учиться готовить. Первые попытки были неудачными — молоко убежало, лук пригорал, — но со временем она приновилась. Эти маленькие успехи ее радовали.

Иногда посреди ночи ее будил детский плач, но он быстро затихал, и она снова засыпала. Но однажды заснуть не получилось. Женечка долго не успокаивался, и, пытаясь различить голос матери, которая шикала над ним, она услышала другие звуки — то ли стоны, то ли рычание. Воображение нарисовало чудовище, которое пробралось в дом, растерзало ее родителей и теперь хочет поживиться Женечкой. И только она могла его спасти.

Ксюша выскользнула из кровати, подкралась к двери и распахнула ее. Плач Женечки стал громче, но Ксюша не бросилась к нему, чтобы защитит от воображаемого чудовища, а замерла и уставилась на темный женский силуэт. В звуках, издаваемых этим телом, теперь она различила крик. Женщина двигалась, как дети в детском саду, когда скачут на деревянной лошадке.

Она запрокидывала голову, и ее волосы, серые в полумраке, покрывали обнаженную спину. Бедрa женщины были широко расставлены, и с каждым прыжком она кричала все сильнее, словно хотела перекричать Женечку. «Что происходит, почему она кричит?»

— Мама! Что с тобой?

Тело матери на секунду замерло, а потом рухнуло на диван, и вместо нее возникла другая фигура. Ксюша закричала, закрывая глаза руками. «Сейчас он нападет на меня и съест!»

Кто-то схватил ее за плечи и встряхнул.

— Ксюша, очнись!

Она перестала кричать и медленно убрала руки от лица. В полумраке комнаты разглядела отца с полотенцем на бедрах и голую маму. Женщина стояла возле кровати Женечки и держала его на руках. Малыш, учуяв грудь, схватил ее за сосок и стих.

— Убери эту истеричку из комнаты! Дожились! Сначала свекровь мешала, а теперь эта дура орет громче нее. Пошла вон, извращенка!

Отец обхватил Ксюшу за плечи и вывел из комнаты. Усадил на кровать. Ксюша оторвала ноги от пола и прижала колени к груди. За окном поезд отбивал знакомые «тук-тук», и она стала раскачиваться в такт, словно это движение могло ее успокоить. Отец сел рядом и набросил ей на плечи одеяло.

— Тебе приснился страшный сон? — спросил отец.

— Нет. Я услышала, как Женечка плачет... и еще кого-то... Я думала, это чудовище.

— Чудовищ не бывает.

Ксюша поежилась и украдкой посмотрела на отца. Слабый свет от окна, отбрасываемый фонарями, освещал его лицо. Уголки его губ оставались неподвижными, но отчего-то Ксюше казалось, что он улыбается. Может быть, ей так почудилось из-за складок возле рта?

— Почему мама кричала?

— Ну... мне сложно объяснить. Ты еще маленькая. Подрастешь, узнаешь.

Он замолчал, поправляя одеяло на плечах Ксюши. Словно хотел укрыть ее плащом-невидимкой в надежде, что она под ним исчезнет и необходимость продолжать разговор отпадет.

— Она кричала от боли? У нее что-то болит?

Ксюша вспомнила бабушку, которая стонала по ночам и массировала ноги, пытаясь унять боль.

— Нет. Твоя мама... ей не было больно. Скорее, наоборот. Ей было хорошо.

— Разве когда хорошо, так кричат? Женечка же кричит не потому, что ему хорошо.

— У Женечки болит живот, он кричит от боли. А твоя мама кричала... от удовольствия...

— И как будто выдал тайну, быстро подскочил с кровати и подтолкнул дочь в постель. — Все, ложись.

Спать не хотелось, но Ксюша опустила на подушку и вытянула ноги. То, что человек может кричать не только от боли, но и от удовольствия, стало для нее открытием. «Что же такого делала мама, отчего ей было хорошо? Папа сказал, что я узнаю об этом, когда вырасту... Скорей бы уже».

Утром она застала мать за кормлением. Ее рыжие волосы были собраны в пучок, лицо освещено мягким светом из окна. Ксюше с ее места открывалось тонкое плечо матери с россыпью золотых веснушек и большая грудь, к которой прижимались жадные губки брата. Ксюша залюбовалась материнской грудью, наполненной молоком. «Какая мама красивая, когда не злится!»

Но мать заметила ее и закричала:

— Ах ты, извращенка! Опять подглядываешь? Иди на кухню!

Осенью Ксюша пошла в новую школу. Она мечтала найти друзей, но стеснительность и неумение вести диалог быстро охладили интерес одноклассников.

Не заладилась и учеба. Женечка часто капризничал, и Ксюша больше времени проводила, помогая матери, чем за учебой. Однажды учительница пришла к ним домой — проверить, почему девочка перестала успевать, и Ксюша ответила ей как есть. Когда учительница ушла, мать, полная злости, влепила Ксюше пощечину.

— Мерзавка! Мать за тебя краснеть должна! Кто тебя учил перекладывать вину на других? Если сама не успеваешь, зачем на нас с Женечкой все валить? Я в твои годы отличницей была.

Наблюдая за матерью и братом, Ксюша замечала, что с ним мама была другой. Ему она улыбалась, целовала, называла ласковыми словами. Значит, дело было не в усталости, не в работе, не в бабушке — дело в ней самой. Сколько она ни думала, она не могла понять, что именно с ней не так. Но ей не пришлось долго терзаться в неведении, потому что разгадка явилась сама.

Был обычный зимний день. Ксюша пришла со школы и не успела раздеться, когда к ней подлетела мать с широко открытыми глазами, раздутыми ноздрями и перекошенными губами. Ее волосы нечесаными прядями свисали по плечам и были похожи на мочало. Мать схватила Ксюшу за грудки и стала трясти:

— Ты что, мерзавка, наговорила про меня в школе? Почему ко мне приходила опека?

У Ксюши глаза стали круглыми, как у матери. Ее обдало холодом, и от страха она не могла ничего сказать. Мать продолжала ее трясти, словно пыльный половик, злобно кричать и повторять один и тот же вопрос про опеку. Ксюша слышала это слово раньше, но не могла сосредоточиться и вспомнить его значение.

В комнате послышался грохот, будто что-то упало, и заревел Женечка. Мать отшвырнула Ксюшу в сторону. Она ударилась плечом о стену, но одежда смягчила удар, и боли почти не ощутила. С испугом оглянулась на мать, не зная, какие шаги она предпримет: бросится к Женечке, чтобы его успокоить, или снова нападет на нее и продолжит допрос. Но мать не сделала ни того, ни другого. Она влезла голыми ногами в сапоги, взяла с вешалки длинный пуховик и выбежала из дома. Хлопнула дверь, и посыпалась штукатурка. Ксюша еще несколько секунд озиралась на дверь, не веря, что мать могла оставить Женечку без внимания, а потом, быстро раздевшись, побежала в комнату.

Братик лежал на полу возле ее кровати и громко плакал. Ксюша вскрикнула и бросилась к нему. Ее сердце разогналось до скорости электрички, пронесившейся за окном. Тук-тук-тук-тук-тук-тук. Она подняла его, прижала к себе, стала укачивать и гладить по голове. Под своими пальцами она чувствовала его мягкие волосики, нащупывала маленькую впадинку, ощущала сладковатый молочный запах его тельца. Его кожа была теплой и нежной, и она боялась случайно его царапнуть ногтями и причинить боль.

Женечка перестал плакать и, всхлипывая, уставился на Ксюшу. Он никогда не видел ее так близко и стал с любопытством рассматривать. То же самое делала и Ксюша. За мокрыми ресницами она разглядела голубые глазки и заметила сходство с папиными. Да и носик у него был с небольшой горбинкой, как у отца. А вот губы совсем тонкие. Как у мамы. Но, может, так казалось, потому что он поджимал их буквой «о». Как бы удивляясь близости с сестрой. «Какой хорошенький!» Она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. На его щеках заиграли ямочки, и они тоже достались ему от матери. Ксюша тронула одну из них, словно хотела расправить его щечку от неровности, но, когда поняла, что это невозможно, засмеялась. Малыш улыбнулся еще шире, обнажая беззубый ротик, и потянулся к лицу Ксюши. Будто тоже хотел исследовать ее руками. Она схватила его за пальчики и звонко чмокнула. Женечке это понравилось, и он даже попытался повторить этот звук. После этого они стали звучно целовать воздух, превратив это в игру на самый громкий «чмок», и так негласно скрепили дружбу.

Мать долго не появлялась, и Ксюша дорожила возможностью побыть с братом. Она пере-ложила его на кровать, брэнчала погремушками, пела песенки. Женечка радостно дрыгал ножками, угукал, будто бы подпевал. Так они проиграли два часа.

Когда он закапризничал, она сменила подгузник, напоила водичкой. Но он снова заплакал — искал маму. В доме не было детской смеси, и Ксюша не знала, чем его кормить. Она взяла Женечку на руки, укачивала, надеялась, что он уснет. Но он привык засыпать во время кормления. Пустышка не помогла: он выплюнул ее и расплакался громче.

Она хотела посмотреть в холодильнике, нет ли покупного молока, но в этот момент замок в двери повернулся, и кто-то пришел. Мама. Она разделась и прошла с пакетом мимо комнаты на кухню. Оттуда крикнула Женечке, что сейчас его накормит и, разбирая пакет, чем-то застучала по столу.

Затем она забрала у Ксюши Женечку и велела ей убираться в другую комнату. Ксюша втянула голову в плечи и убежала.

Женечка стих, и скоро мать принесла его в спальню. Он уснул.

— Весь режим нам сбила. Ему уже давно надо было поспать.

Ксюша ничего не ответила. Но ответа и не требовалось. Мать вышла из комнаты.

Когда пришел отец, Ксюша забралась на стылый подоконник, обложенный теплым пледом, и выглянула в окно. Высоко над землей холодный ветер кружил молодые снежинки, не успевшие ухватиться за снежные сугробы, и беспощадно бросал их в лица запоздавшим путникам. Они плотнее кутались в шарфы или воротники и ускоряли шаг.

Через какое-то время она стала отчетливо слышать голос матери, доносившийся с кухни. Когда она говорила на повышенных тонах, он всегда становился звонким и резким, присущая ему хрипотца делалась менее различимой. Но в этот раз к нему примешивалась заторможенность. Мать не говорила, а, скорее, голосила как-то заунывно и замедленно. Будто бы слова давались ей с трудом. Отец тоже ей что-то отвечал, но его слова Ксюша не разбирала. Чтобы лучше их слышать, она подкралась к двери и приложила к ней ухо.

— Не надо было мне тебя слушать. Сделала бы аборт, и жизнь сложилась бы по-другому. Я бы в театральный поступила, окончила его. В Москву бы поехала, была бы известной актрисой. А что я имею? — Мать рассмеялась. Но смех этот был горький и колючий. — Этот клоповник, свекровь-калеку да тебя, бездаря. А еще эту сучку недоношенную... Из-за нее приходила какая-то чучундра с гнездом на голове, обнюхала все стены, глядела на меня, как на вошь. Женьку всего осмотрела, точно он бракованная вещь. Мразь! Мы, говорит, за вами будем приглядывать... — Мать громко икнула. — Если еще сигнал какой поступит, примем меры. Ладно бы эту пигалицу забрали, так ведь нет. И Женьку туда же. Вот почему я не сделала аборт?

Ксюша отпрянула от двери и вернулась на подоконник. В ее голове крутились слова матери. Она знала, что такое аборт. Однажды одноклассница рассказывала, как ее мама избавилась от ребенка. Тогда Ксюша пришла в ужас. А теперь оказалось, что ее собственная мать хотела сделать с ней то же самое.

На руку Ксюше упали две крупные капли, и она вздрогнула. Быстро вытерла лицо и захлопала глазами. Никто не должен был узнать, что она плакала. Никто не должен был узнать, что она все слышала. Иначе мать решит, что она подслушивала, и назовет ее гадкими словами, от которых скручивает живот и ноет в груди. Что за «чучундра» приходила и что хотела забрать, имела ли эта «чучундра» отношение к опеке и о каком сигнале шла речь, Ксюше было неважно. Важно было другое. Мама ее никогда не любила. И эта правда хлестала больнее холодного ветра, что разгулялся за окном.

Глава четвертая

2022 г.

Ксюша открыла глаза. Или ей только показалось? Вокруг стояла крошечная тьма. Не та, что бывает ночью в городе, где даже в самый темный час можно различить очертания предметов. Здесь не различалось ничего. Она нащупала постель, повела руками в стороны — пустота. Обычно Петя лежал на расстоянии вытянутой руки, но сейчас его рядом не было. Да и кровать оказалась непривычно узкой. Не двуспальная. «Где я, черт побери?»

Ксюша села и опустила ноги на пол. Ступни коснулись непривычно холодного пола. Где ковер? Словно остальных недостатков ей было мало, отсутствие ковра окончательно убедило ее, что она не дома. Поднялась и пошарила возле себя. Осторожно двинулась к изголовью кровати. С вытянутыми вперед руками она сделала неторопливые шаги по поверхности, напоминающей линолеум, в надежде натолкнуться на препятствие. Но впереди была пустота. И тишина. Запахов она тоже не ощущала. «Так не бывает. Всегда есть какой-нибудь запах». Она поднесла руку к носу и понюхала кожу. Ничего.

Ксюша попыталась заговорить: смыкала и размыкала губы, шевелила языком, который вдруг стал тяжелым, но не слышала ни одного звука. «Я сплю? Да, точно. Так бывает во сне». Но что за странный сон?

Она стала вспоминать, что делала накануне. В черед последних событий всплыл звонок свекрови. Та сообщила, что умерла Мария Степановна. Они ездили к ней на похороны. Стол, заупокойные слова, прощание возле машины. Потом авария. А дальше?

Ох, нет. «Неужели я умерла?» По телу прошел холод. Соня... «Как же она без меня?» Ксюша затрясла головой, стискивая ее руками. «Нет, нет, нет! Я не могу умереть!» Сонечка, ее девочка, самый дорогой человечек, — неужели она останется без матери так рано? Она представила, как дочь проснется утром и позовет ее, а в ответ — тишина. Представила, как Соня будет ждать, прислушиваться к шагам в коридоре, а шагов все не будет. От этой картины стало страшнее, чем от окружающей тьмы.

Ксюша снова замахала руками и стала кружить по комнате в поисках выхода. Она открывала рот и выдавливала из себя крики, звала на помощь. Но криков слышно не было. Она находилась в каком-то вакууме, который поглощал звуки еще до того, как они вырывались из тела. Темнота не рассеивалась, и паника все больше охватывала Ксюшу. Ее шаги перестали быть осторожными: с вытянутыми руками она металась в разные стороны.

«Господи, пожалуйста, верни меня к ней. Я нужна ей. Она нужна мне».

Ксюша вспомнила, как впервые взяла дочь на руки: крошечную, с еще не открывшимися глазками, но уже с инстинктами, которые указали ей, где материнская грудь. Имя Сонечка пришло к ней в то же первое кормление, и уже ни одно другое не подходило. За десять лет они не расставались ни на день: когда Соня в шесть лет попала в инфекционку, Ксюша легла в больницу вместе с ней, не думая о том, что спальное место одно, а питание не предусмотрено. Главное — быть рядом.

В детские лагеря Соня не ездила, потому что Ксюша боялась за нее. Она часто слышала в сводках происшествий о кишечных инфекциях, о недосмотре за детьми воспитателями, о пожарах и несчастных случаях, повлекших смерть детей в лагерях, и не хотела испытывать судьбу. Девочка тоже была привязана к матери и не мыслила разлуки с ней. У нее были подруги-ровесницы, но самой лучшей подругой оставалась мама, и Ксюша дорожила этой связью. Она не могла оборваться.

«Что же это за место? Как отсюда выбраться?»

И вдруг она вспомнила давний рассказ бабушки Саши, старого егеря, и его слова: «Даже в самой темной ночи, когда кажется, что выхода нет, и ты один во всей Вселенной, может

появиться маленький белый знак. Главное — быть готовым его увидеть. И сделать шаг не в бездну, а назад, к жизни». Ксюша тогда слушала этот рассказ краем уха, не придавая значения, но сейчас, в кромешной тьме, он всплыл так отчетливо, будто дедушка стоял рядом и повторял эти слова специально для нее.

Она подняла голову и увидела чуть выше своего роста какой-то свет. Он не рассеивался вокруг, а светил в одной точке. Ксюша пригляделась к нему. Свет трепыхался и кружил возле нее. Она подняла руку, пытаясь поймать его, но оказалось, что свет находится на удалении. Сделала несколько шагов по направлению к нему. Световая точка на несколько секунд стала крупнее, но потом как будто отступила и приняла прежние размеры. Но стала трепыхаться быстрее. Ксюша огляделась вокруг в надежде, что эта маленькая точка осветила хоть какую-то часть помещения, но было так же темно.

Свет стал приближаться, и она замерла перед ним, будто перед шаровой молнией. Но вот он перестал увеличиваться и приобрел очертания. Ксюша узнала в нем бабочку. Белую и неестественно мерцающую, словно звездочка в небе. Ксюша снова потянулась к ней, но бабочка отпрянула в том направлении, откуда прилетела. Ксюша опустила руку, и бабочка вернулась, закружила вокруг нее и вновь полетела вперед. Возвратилась — и так несколько раз. «Она зовет меня за собой». Ксюша сделала пару шагов, бабочка тоже двинулась вперед. Сомнений, что она куда-то ее ведет, не осталось, и Ксюша пошла увереннее. Она следовала за ней, а бабочка то ускорялась и становилась мельче, то зависала на месте и увеличивалась, будто дожидаясь, когда Ксюша нагонит ее.

И вдруг бабочка разрослась в размерах и стала ослепительно яркой. Ксюша зажмурилась и прикрыла глаза руками. Но свет был таким резким, что проникал не только сквозь пальцы, но и сквозь веки. Ксюша хотела закричать, но вместо этого открыла глаза и... прозрела.

Она увидела комнату с зелеными стенами, квадратными светильниками на потолке и какой-то прибор с показателями жизнедеятельности, подведенный тонкими трубками к правой руке. В окно светило солнце и отбрасывало тени от жалюзи на стены. Ксюша сделала вдох и почувствовала боль с левой стороны. Она ощутила там повязку и хотела коснуться ее рукой, но шевелились только пальцы: сама рука оказалась тяжелой и неподъемной. На нее наложили гипс. Голову тоже чем-то стянули, и из-под нижних век выглядывали щеки. Будто они вздулись до предела и вот-вот лопнут. В воздухе витали запахи лекарств и спирта, и все эти ощущения разом дали ей понять, что она жива. И она в больнице.

Кто-то зашевелился слева, и Ксюша медленно повернула голову. Петя. Небритый и помятый, словно несколько дней проспал в кровати, не раздеваясь. В синем одноразовом халате, наброшенном поверх одежды, он растянулся на стуле и кемарил. Из приоткрытого рта слышалось легкое посапывание, а между бровями пролегла тревожная складка. На лбу и переносице у него был наклеен пластырь, и под глазом заметен фиолетовый кровоподтек. Других следов увечий на нем Ксюша не обнаружила. Она глубоко вздохнула, силясь заговорить, и Петя резко проснулся. Увидел, что Ксюша открыла глаза, и придвинулся ближе. Взял ее за пальцы. Складка между густыми светлыми бровями стала еще глубже, и взгляд въедливо забегал по телу жены.

— Ксю, ты очнулась. Господи, какое счастье! — Он посмотрел на прибор и оглядел показатели, словно мог в них разобраться. — Ты как?

— Как будто по мне проехал грузовик, — едва шевеля губами, сказала Ксюша.

Петя невесело скривил губы.

— Да уж, этот бы грузовик да на металлолом. А вместо этого на металлолом наша машина... Да черт с ней, главное, что ты жива.

— Где Соня? Что с ней?

— Она дома.

— Привези ее. Я хочу ее видеть.

Петя на секунду замер. Слишком длинную секунду. Потом улыбнулся. Но как-то криво, одними губами.

— Конечно. Завтра. Или послезавтра. Когда тебе станет лучше.

Ксюша хотела возразить, но вдруг почувствовала странную сонливость и, не успев спросить, почему не сейчас, провалилась в темноту.

Когда она проснулась, никого не было. Солнце переползло на другой край палаты, и тени от жалюзи лежали гораздо выше. Она пошевелила пальцами и почувствовала в кистях легкое покалывание — как будто отлежала руку во сне и теперь кровь медленно возвращалась в онемевшие пальцы. Это ощущение было странно знакомым, словно оно преследовало ее все то время, что она была без сознания.

В палату вошла медсестра: полная, немолодая, с едва заметной проседью в светлых кудрях, выглядывавших из-под колпака. Увидев, что Ксюша пришла в себя, она заулыбалась, задала обычные вопросы о самочувствии, дала попить, сменила повязки, поставила капельницу. В ее больших, чуть навывкате глазах светилось столько доброты, а движения были такими ловкими и бережными, что любая процедура проходила почти безболезненно. Ксюша расслабилась в ее руках, как давно не расслаблялась ни с кем.

— Какой сегодня день? — спросила она, когда медсестра закончила.

— Понедельник, голубушка. Три дня ты у нас пролежала без сознания. Муж твой все это время с тебя глаз не сводил. Так и сидел рядом. Я уж ему и раскладушку предлагала — отказался.

— Что со мной?

— У тебя была большая кровопотеря, и делали переливание крови. Сломаны ребра, повреждены внутренние органы, но самое страшное уже позади. Теперь, когда ты очнулась, выздоровление пойдет быстрее.

Вскоре вернулся Петя — побритый и посвежевший, — и Ксюша узнала, что он в аварии почти не пострадал, а их машина ремонту не подлежала. Водитель фуры уснул за рулем и очнулся, только когда его машина уехала в кювет. Телефоны разбились, но симки уцелели, и Петя смог обзвонить всех ее учеников.

— Ты поправляйся скорее, — сказал он, целуя ее пальцы. — Остальное — ерунда.

Три дня Петя приезжал после работы один, а потом стал брать с собой Соню.

Ксюша ждала встречи с дочерью с замиранием сердца. Когда дверь палаты открылась и в проеме показалась знакомая рыжая макушка, она приподнялась на подушках, забыв о боли в ребрах.

— Мам!

Соня бросилась к кровати, но в последний момент замерла, словно испугавшись, что может сделать матери больно. Ксюша сама протянула к ней здоровую руку и прижала дочь к себе осторожно, но крепко. Зарылась лицом в ее волосы, от которых пахло детским шампунем, и замерла так на несколько секунд, чувствуя, как часто-часто бьется родное сердечко где-то у ее плеча.

— Моя девочка, — прошептала она. — Моя хорошая.

Соня всхлипнула, но тут же отстранилась и сердито вытерла глаза кулаком.

— Ты меня напугала, — сказала она с упреком, совсем как взрослая. — Папа говорил, что ты проснешься, а ты не просыпалась. Я уже боялась, что ты... что ты не...

— Все, все. — Ксюша погладила ее по щеке. — Я здесь. И никуда больше не денусь.

Соня села на край кровати, и Ксюша не могла на нее наглядеться: веснушки, рассыпанные по переносице, карие глаза с золотистыми вкраплениями, ямочки на щечках. Тонкие пальчики пианистки и хрупкий миниатюрный стан. Такая живая, теплая, настоящая. Ксюша взяла ее за руку и глубоко вздохнула. Теперь, когда Соня рядом, можно не тревожиться.

Они проговорили почти час. Соня рассказывала, как разучивает новую пьесу — кажется, Грига, — и как у нее не выходит один фрагмент. Ее пальцы бегали по невидимым клавишам, перемещались один за другим, как учила преподавательница. Ксюша смотрела на ее «игру» и представляла, как слышит звуки фортепиано.

— А еще бабушка говорит, что у нее от моего смеха голова болит, — пожаловалась Соня. — А я разве виновата?

— Не виновата. — Ксюша улыбнулась. — Просто смейся чуть тише.

— Не могу я тише. Я же не специально громко смеюсь. Это оно само.

И она снова засмеялась — звонко, заливисто, и Ксюша почувствовала, как от этого смеха в палате становится светлее.

— Ты поправляйся, — сказала Соня на прощание и чмокнула мать в щеку. — А то без тебя скучно. И сыграть некому — папа все время на работе, а бабушка говорит, что у нее от музыки голова трещит.

— Обязательно, — пообещала Ксюша. — Ради тебя — обязательно. И послушаем твоего Грига.

Она попросила Петю сходить к дочери на концерт. Он не был ни на одном ее выступлении и вообще редко выходил куда-то вместе с ними. Но на этот раз согласился — быстро и почти без возражений. Ксюшу это чуть-чуть удивило.

Как удивило и то, что через два дня к ней приехала Тамара Ильинична.

Она вплыла в палату, надушенная так, что у Ксюши сразу запершило в горле, и с порога заохала, запричитала, прижимая руки к груди. С нею были два пакета, набитые пластиковыми баночками с домашней едой, и она принялась выставлять их на тумбочку.

— Совсем отоцала, Ксенечка! В чем только душа держится? Ничего, я тебя быстро на ноги поставлю. Тут все свое, домашнее, без всякой химии.

— Тамара Ильинична, зачем вы? Мне нельзя всего этого, врачи...

— Ерунда! — отмахнулась свекровь. — Врачи что понимают? От домашней еды еще никто не умирал. Ты ешь давай, поправляйся.

Она присела на край кровати и вдруг совершенно неожиданно взяла Ксюшину руку в свои. Ксюша замерла.

— Знаешь, я ведь молилась за тебя, — сказала Тамара Ильинична тихо. — Петруша сам не свой был. Я его таким никогда не видела. «Если она не выживет, — говорил, — я тоже умру». Тогда и поняла: ты для него — все. А я... — Она запнулась. — Я постоянно осуждала тебя, подначивала Петю расстаться с тобой. Прости меня, девочка. Давай начнем все с начала.

Она говорила это так просто, так по-человечески, что у Ксюши защемило в глазах. Двенадцать лет она ждала этих слов. Двенадцать лет терпела колкости, унижения, подозрения — и вот, оказывается, нужно было почти умереть, чтобы их услышать.

— Вы хотите, чтобы я сделала вид, что ничего не было и вы не говорили тех гадких слов, склоняя меня к аборту?

— Я рада, что ты этого не сделала. Сонечка очень славная девочка. Похожа на мою Настю в детстве.

Ксюша отвела глаза и заскрипела челюстями. Умоляющий взгляд свекрови сделался искренним, и не поверить ему становилось невозможно. Рука под гипсом зачесалась и тем сильнее зудела, чем большие противоречия теснились в душе Ксюши. Ей казалось, что простить — все равно что забыть или умалить вину обидчика, а как такое возможно?

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Давай я встану на колени? Не уверена, что смогу подняться, но ты ведь поможешь? Ты всегда помогала, а я не ценила. — И Тамара Ильинична стала сползать с кровати.

— Господи, что вы делаете! — перехватила ее Ксюша здоровой рукой и одновременно с тем ощутила резкую боль слева — там, где была наложена повязка. Она ослабила хватку и

попросила: — Перестаньте. Не надо. Если вы искренне раскаиваетесь в своих словах и поступках, я вас прощаю.

Тамара Ильинична порывисто ее обняла. Ксюша напряглась и не сразу отреагировала на объятия. Но когда свекровь не поторопилась ее отпустить, продолжая стискивать руками, Ксюша была вынуждена сделать ответный жест. И неожиданно по ее щекам потекли слезы. Не горькие и жгучие, а слезы радости и облегчения. Ее наконец приняли в семью мужа.

Они еще долго сидели рядом, и Тамара Ильинична говорила и говорила — о Пете, о Соне, о своем заблуждении. Каялась и просила прощения. Ксюша слышала искреннее раскаяние и, несмотря на крошечный страх, затаившийся где-то глубоко внутри, что все это блеф, все же хотела верить, что все правда. Пусть невероятная, но правда. Иначе для чего ей снова была дарована жизнь?

Глава пятая

2000–2002 гг.

С самого утра в доме был переполох: мать собиралась на свадьбу к коллегам. Крутила бигуди, щипала брови, брила ноги и суежилась возле шкафа.

— Антош, как ты думаешь, платье лучше длинное или короткое?

Отец играл с Женечкой на полу в кубики и, не поворачивая головы, отвечал жене:

— Короткое.

Мать достала из шкафа платье в рубчик застиранного кораллового цвета и приложила к себе. Оно было на ладонь выше колена и подчеркивало каждый изгиб.

— А вдруг в кафе холодно будет? — Она повертелась перед зеркалом, встроенным в соседнюю створку.

— Тогда длинное.

— Плащ у меня короткий, по-дурацки смотреться буду.

— Тогда короткое.

— А туфли на высоком или низком каблуке?

— В каких тебе будет удобнее, те и надевай.

— А белые или... Белые. — Мать открыла дверцу соседнего отсека и вынула коробку с туфлями молочного цвета на высоком каблуке. — А кто у них будет свадьбу вести?

— Какой-то тамада.

— А Васильев будет?

— Да.

— Фу, терпеть его не могу. Валерка, когда напьется, такой противный. Он меня однажды за задницу ущипнул. — И она провела ладонью по пятой точке.

— Не выдумывай!

— Не веришь? Конечно, тебе проще не верить, чем по морде ему дать. Тряпка, а не мужик!

Отец сделал вид, что не расслышал оскорбления. Качнул кубики, и они с грохотом упали на пол. Женечка захохотал.

Ксюша с тоской посмотрела на отца. Он стал чаще прятаться за играми с Женечкой от нападков матери, выглядел уставшим и постаревшим. На его макушке обозначилась проплешина, между бровями пролегли глубокие морщины. Пока они жили с бабушкой, он мог постоять за себя. Но за два года жизни в общежитии, вдали от своей матери, он словно усох изнутри. Стал совсем тихим и безвольным.

Ксюша гладила ему рубашку и брюки, вкладывая в каждое движение заботу. Она хотела, чтобы он знал: она всегда будет за ним ухаживать. Только бы он не ушел к другой женщине, как отцы двух девочек в классе. Даже дети их не остановили. Потому что дети о них не заботились. А Ксюша будет, и папа не уйдет. Ради нее, ради Женечки. Особенно ради Женечки. Ведь ему только два года.

После того дня, когда Ксюша впервые осталась с братом, мать стала позволять ей приглядывать за ним. Сначала на полчаса, потом на час, а когда Женечка стал есть прикорм — на два, а то и на три часа. Ксюше это было в радость. Она приноровилась делать уроки в школе на переменках, и дома оставалось только почитать или выучить стих. Малыш любил слушать ее чтение, рассматривать картинки. Его первым словом стало не «мама» и не «папа», а «тать», и скоро Ксюша поняла, что оно означает «читать».

Однажды она пришла из школы, и Женечка, заметив ее, закричал «тать», показывая на нее. Мать разозлилась, не понимая, чего он хочет. Ксюша пояснила, что он просит почитать.

Мать уставилась на Ксюшу ревнивым взглядом, и та вмиг обратилась в черепашку, втянув голову в плечи.

— Лучше бы научила его говорить «мама».

И Ксюша научила. К двум годам Женечка говорил не только «мама» и «папа», но и короткие предложения. Слова его были неразборчивы, но Ксюша понимала их лучше всех.

И вот ее оставляли с Женечкой больше, чем на три часа. Ксюшу это не пугало: она любила проводить время с братом, и чем старше он становился, тем увлекательнее проходили их игры. Кроме того, с ним она могла быть сама собой и никого не бояться, с ним она чувствовала себя взрослой, ответственной и нужной.

Наказав, чем кормить Женечку и в какое время, мать заторопилась. Времени до праздничного застолья оставалось меньше часа. В разные стороны полетели бигуди, порвались бусы, упала на пол шкатулка. Из нее посыпались шпильки, заколки, бусины, пуговицы и даже маленькие плоские батарейки. Ксюша бросилась их собирать, а мать прикрикивала, чтобы она делала это быстрее, пока до них не добрался Женечка.

Весь вечер они играли и читали книжки. Женечка не плакал, не звал маму, хорошо поужинал. Он перешел на взрослую еду и ел все, что ему предлагали. Даже лук, который дети обычно не любят.

Родителей долго не было, и Ксюша сама помыла и уложила Женечку спать. Перед сном рассказала ему сказку с эпизодами собственного сочинения, и малыш уснул. Укрыв его одеялом, несколько секунд постояла рядом, убедилась, что он крепко спит. Затем заправила родительскую постель и вышла из комнаты.

Она укладывалась в кровать, когда вернулись родители. В коридоре что-то громыhalo, падало, слышался странный смех матери. Речь ее была бессвязной — хуже, чем у Женечка, — а голос отца как будто тот же, что и всегда.

Удерживая мать за талию, он втащил ее в комнату. Ее кудри распрямились и жалкими прядями свисали по плечам. Колготки порвались, и на коленке зияла ссадина, из которой сочилась кровь. Глаза едва открывались, а на губах застыла идиотская улыбка.

Ксюша подскочила с кровати и бросилась к шкафу, где хранились лекарства. Она много раз видела, как мать обрабатывала ссадины Женечки перекисью, и решила сделать то же самое ей. Отец усадил мать на стул, стянул с нее одежду, и Ксюша промыла рану и наложила пластырь. От матери пахло потом, алкоголем и чем-то резким, похожим на уксус. Она возмущалась, что-то выкрикивала и махала руками. Ксюша торопилась закончить процедуру, чтобы не попасть под эту мельницу. Затем отец унес мать в спальню. Ксюша выключила свет, легла в свою постель и уснула.

Проснулась она посреди ночи. Еще было темно, и комната освещалась только фонарями с железнодорожных путей. Плакал Женечка. Ксюша полежала несколько секунд, прислушиваясь к другим звукам из соседней комнаты. Но было слышно лишь детский плач. Ксюша поднялась и с опаской посмотрела на дверь, отделяющую ее от родительской спальни. Она боялась, что причина, по которой мать с отцом игнорировали Женечку, та же, что и в прошлый раз, и металась в сомнениях. Но чем истощнее он плакал, тем большее волнение охватывало Ксюшу. И рассудив, что лучше быть наказанной матерью, чем позволить Женечке плакать дальше, она открыла дверь.

В полумраке комнаты она разглядела спящих родителей, услышала их храп и почуяла резкий запах простокваши. Подбежала к Женечке. Он сидел в кроватке, свесив ножки между перекладинами.

— Что случилось? — тихо спросила она, прикасаясь к нему. — Ты в туалет хочешь?

Штанишки на нем оказались мокрыми и скользкими. От него пахло рвотой. Она вытащила брата из кроватки и, с трудом удерживая, вынесла из спальни.

В своей комнате она усадила его на постель, включила светильник. Он уже не столько плакал, сколько всхлипывал и красными глазами следил за Ксюшей.

— У тебя что-то болит?

Женечка показал на грудь ручкой.

— Тебя тошнит?

Он не понял вопроса и снова заплакал.

— Ш-ш-ш, не плачь. — Ксюша погладила его по голове. — Давай снимем одежду.

Она аккуратно раздела его, сбегала в комнату за чистыми вещами, смочила полотенце и обтерла его. Только закончила, как его снова вырвало. Она едва успела подставить таз.

Ксюша растерялась. Ее «взрослость» уползла проворной змейкой под кровать, и она превратилась в маленькую напуганную девочку с огромным чувством ответственности. Она решила разбудить отца. Он учуял запах рвоты, и его самого едва не вывернуло. Они вместе вернулись в комнату. Женечка не спал, а лежал в кровати и всхлипывал. Отец потрогал его лоб, осмотрел, но решения не нашел. Казалось, он был напуган не меньше Ксюши.

— Может, дать ему лекарства? — подсказала она.

Ксюша принесла аптечку. Отец стал перебирать баночки, читать инструкции. Ксюша с надеждой смотрела на него и ждала, что он найдет то самое волшебное средство, которое сразу вылечит брата. Но чудодейственного лекарства не оказалось.

— Папа, давай вызовем скорую.

— Зачем сразу скорую? Его вроде больше не тошнит. Давай лучше воды дадим.

Вместе они заставили Женечку немного попить, но он снова заплакал.

И вдруг из комнаты выбежала мать. Прикрыв ладонью рот, она пронеслась мимо них в туалет. Оттуда слышались звуки, которые не так давно Ксюша слышала от Женечки.

— И мама тоже? Может, это вирус?

— Нет, у мамы по другой причине.

Женечка, увидев мать, заплакал громче. Она вышла в одном белье с перекошенным лицом, какое бывает, когда отведаешь лимона, и взлохмаченными волосами. Женечка завизжал пуще прежнего. Он напугался.

— Что тут происходит? — Шатаясь, она добралась до кровати и плюхнулась рядом с сыном.

— Женю тошнит, — пояснил отец.

Она усадила малыша на колени, стала покачивать, но от нее несло перегаром, и Женечку вырвало на грудь матери. Но потом она резко его перевернула и наклонила над тазом.

— Чем ты его накормила, дура?

Ксюша отступила на два шага и превратилась в черепашку.

— Гречкой и котлетой, которые ты ему оставила. Я и сама это ела.

Удерживая одной рукой Женечку, второй мать прикрыла рот. Отец забрал малыша к себе, и мать сорвалась в туалет.

Ксюшу затрясло. Женечку рвало снова и снова, он плакал и краснел от натуги. Ей хотелось принять на себя его страдания, только бы избавить от мучений.

— Папочка, надо вызвать скорую. У двоих человек рвота. Нужен врач.

— Ксюша, мама просто перебрала водки. Завтра ей полегчает.

— А Женечке? Я его водкой не поила.

В санузле слышались звуки воды из крана, и вскоре вышла мать. Лицо ее выглядело бледным и болезненным. Она с отвращением посмотрела на тазик и велела Ксюше его вынести. Та беспрекословно схватила его и, задержав дыхание, поспешила к унитазу.

— Может, вызвать скорую? — предложил отец.

— Совсем идиот? Как я в таком виде покажусь перед скорой?

— А что делать?

— Нельзя звонить в скорую. Они в опеку настучат. Надо дать ему попить воды. Если к утру не пройдет, пойдем с ним в поликлинику.

Уснули они, когда рассвело. Но проспали недолго. Женечку снова стошнило, поднялась температура, и мать повела его к врачу. Отец пошел с ними, а Ксюша осталась дома стирать вещи и проветривать комнаты.

Как потом рассказывала мать, прием вела молодая врач, которая подглядывала в тетрадь, напоминающую учебный конспект, и, руководствуясь своими записями, поставила диагноз ротавирус. У детей в этом возрасте он часто случается, и главное в этот период — соблюдать питьевой режим. Кроме того, она назначила лекарства. Рвота временно прекращалась, Женечка даже мог пить и мочиться, но окончательно не проходила. На третий день покраснело горло, появились сопли и кашель. От еды он отказывался, но воду пил. Однако и её скоро перестал удерживать.

Тогда отец вызвал скорую. Мать с Женечкой положили в больницу, взяли анализы и поставили капельницу. К тому моменту к рвоте добавился жидкий стул темного цвета. Женечку отправили на рентген. На снимке обнаружили маленький металлический предмет в пищеводе — предположительно батарейку. Сделали операцию, и подозрения подтвердились. Женечка стал приходить в себя и, казалось, пошел на поправку, но при контрольном эндоскопическом осмотре у него открылось внутреннее кровотечение. Как объяснили врачи, батарейка вызвала химический ожог слизистой. Даже несмотря на то, что её извлекли, на месте ожога образовалась язва, которая и стала источником кровотечения. Женечку срочно отправили в операционную. Но травма, нанесённая маленькой батарейкой, оказалась слишком губительна для детского организма — Женечка умер.

Рассказы Ксюша начала писать именно тогда. Первый из них был посвящен Женечке. Она была еле жива в те дни: грудь жгло от боли, хотелось плакать, но комок со слезами застрял где-то в горле и не поднимался выше. Она снова осталась одна, и на этот раз чувствовала себя более одинокой, чем до появления брата. Как будто она долго сидела в теплой комнате, где горел свет и звучали голоса, а потом кто-то разом выключил и тепло, и свет, и звук.

Женечка еще долго смеялся в ее ушах, она видела его улыбку перед глазами, и это причиняло нестерпимую боль. Чтобы от нее избавиться, она решила оживить его образ на бумаге. Она рассказывала о Женечке все как есть, без преувеличения и без купюр. И только в конце позволила себе пофантазировать: обнаружила у него в руках ту самую батарейку, что выкатилась из шкапулки, и забрала ее. И Женечка выжил.

Когда история легла на бумагу, ей стало легче. Словно она прожила жизнь с братом заново, и эта жизнь не закончилась, а продолжалась.

После похорон мать долго плакала у кровати Женечки. Ксюша подошла утешить ее, но та оттолкнула ее с такой злобой, что Ксюша навсегда отказалась от попыток сблизиться.

— Пошла вон, убийца! Это ты виновата! Ты за ним не досмотрела! Ненавижу тебя! Лучше бы ты сдохла!

Мать стала выпивать. Каждый день она покупала водку и пила одна, пока отец был на работе. Ксюша не лезла к ней и, приходя со школы, пряталась в маленькой комнате. Кровать Женечки, его вещи и игрушки отец вынес из дома, и память о нем осталась только в сердцах.

Родители стали чаще ругаться. Отец больше не молчал, призывал мать бросить пить и выходить на работу. У них осталась дочь, и ради нее они должны были взять себя в руки и жить дальше. Но любое упоминание о Ксюше заканчивалось проклятиями, которые мать изрыгала на нее, и даже опека ее не пугала.

— Пусть заберут ее! Не могу ее видеть! Вся жизнь мне испоганила! Зачем я тебя слушала? Был бы сейчас Женечка жив...

Однажды они поругались из-за денег. Отец попрекнул мать в растрате семейного бюджета на водку, из-за чего нечем было платить за общежитие. Она вспыхнула и напомнила ему о давней ссоре, когда просила его уйти работать на частников. Платили там больше, и, если бы он ее послушал, они уже могли бы жить в своей квартире. А он напомнил ей, почему отказался. Крановщики частникам были не нужны, а класть кирпич он не умел.

— Много ли ума надо — класть кирпич? — кричала мать. — Даже я бы освоила. Но если руки из жопы растут, то, конечно, не научишься.

— Дура ты, если думаешь, что это легко.

Ксюша затыкала уши и читала книгу вслух. Помогали и поезда, которые заглушали крики. И вот однажды, когда звуки товарного поезда стихли, Ксюша услышала, как мать крикнула:

— Ну и проваливай, козел безрогий! — Хлопнула дверь, и вдогонку мать добавила: — Захочешь вернуться, не пущу! На коленях умолять будешь, не поддамся!

Наступила тишина, и только всхлипывания матери указывали на то, что дома кто-то остался. Ксюшу охватила паника. Если отец ушел и больше не вернется, то как же она останется с матерью? Что с ней будет? Она точно попадет в детский дом, и никто, *никто* ее не удочерит. Кому она нужна? Она и матери не нужна, как другие люди захотят ее взять?

Она соскочила с подоконника и выбежала в коридор, едва не сбив с ног мать. Та что-то крикнула ей вдогонку, но Ксюша ее не расслышала. В ушах у нее билось сердце, и она молилась только об одном: догнать отца и уйти вместе с ним.

— Папа! — выкрикнула она, выскочив на улицу в одном тапке. Второй потеряла, сбегая по лестнице.

Он не успел далеко уйти. На плече он нес рюкзак и, сам того не замечая, шлепал по лужам. Услышав Ксюшу, отец замер и две секунды не шевелился. Затем медленно обернулся. На его глаза была надвинута кепка, но Ксюша сумела разглядеть в них грусть.

— Папа, не уходи!

Он вернулся к подъезду и завел дочь внутрь.

— А где тапок? — спросил он, оглядывая лестницу.

— Ты вернешься?

Она схватила его за рубашку и с надеждой посмотрела в глаза. Она взглядом умоляла его сказать «да» и так крепко удерживала, что ее кулачки побелели и ногти сквозь ткань вонзились в ладони.

— Пойдем, найдем тапок.

Но Ксюша не сдвинулась с места и застучала по его груди.

— Ты вернешься? — настойчиво повторила она, и ее голос дрогнул.

Отец вздохнул, снял рюкзак и опустился на ступеньку. Потянул Ксюшу за собой и усадил на колено.

— Нет, я не вернусь.

— Почему?

— Так будет лучше.

— Кому?

— Тебе. Если я уйду, ты останешься с матерью и не попадешь в детский дом.

Ксюша не понимала. Ей казалось, что она скорее попадет туда, если отец уйдет. Ведь мать будет срывать злобу на ней, кто-то увидит или услышит, и тогда поступит сигнал в опеку.

— Не понимаю.

— Когда вырастешь, поймешь.

— Я не хочу понимать. Я хочу уйти с тобой.

Отец погладил ее по голове и поцеловал в лоб.

— Нет, ты остаешься с мамой.

— Пожалуйста, папа. Забери меня.

— Я не могу. — Он выдержал паузу. — Я возвращаюсь к своей матери, к твоей бабушке. Там некому за тобой смотреть. И там живут другие люди. Наши родственники. Свободных мест нет.

— Я буду жить в коридоре, в ванной, где угодно. Только не оставляй меня с ней. Я большая, за мной не надо следить. Я буду все-все делать... Пожалуйста, папочка.

Ксюша выпустила рубашку отца и обняла его. Она так крепко его стиснула, что у него едва не перехватило дыхание.

— Я не могу, Ксюша. Ты девочка, тебе нужна мать.

— Она меня не любит и хочет, чтобы я умерла. Не отдавай меня ей.

— Она просто переживает горе. У вас все наладится. Дай ей время.

Ксюша жалась к отцу и боялась, что он оттолкнет ее и уйдет. А если он уйдет, зачем ей жить? Он редко за нее заступался, но пока был рядом, у нее оставалась надежда быть хоть кем-то любимой, хоть кем-то оберегаемой. Как он тогда сказал? «У нас осталась дочь, и ради нее мы должны взять себя в руки и жить дальше». Ради дочери. Ради нее. Разве «ради нее» означает «жить раздельно»?

— Я уйду из этого дома, но не из твоей жизни. Мы будем видеться.

— Когда?

— На выходных. Я приду, и мы погуляем в сквере.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Ксюша снова его обняла и поцеловала. Заручившись его обещанием, она немного успокоилась и даже повеселела. Уточнила время, когда он придет, и сказала, что будет ждать его около детской площадки. Он согласился, и она его отпустила.

Как впоследствии оказалось — навсегда.

Глава шестая

2022 г.

Петя привез Ксюшу домой из больницы и, не проходя в дом, сразу собрался уезжать на работу.

— Ты отдыхай, а я поехал. Вернусь поздно, не теряй.

— А как же Соня?

— Ее привезет отец. Они сегодня на даче все вместе.

Он поцеловал Ксюшу в щеку и ушел, набирая чей-то номер по телефону. Она закрыла за ним дверь и огляделась. Ее не было дома три недели, и дом как будто изменился. Те же светлые стены, загрунтованные декоративной штукатуркой, та же прихожая с мягким диванчиком и вместительным шкафом, тот же коврик под ногами на ламинированном полу. Но что-то неуловимое витало в воздухе, что придавало новизну и скованность. Словно она пришла в гости.

Соня с бабушкой уехали на дачу и вернуться должны были только вечером. Ксюша не возражала. Хотя очень соскучилась по дочери и хотела скорее ее обнять. Но, кажется, они нашли общий язык с бабушкой, и этому — пусть и с долей ревности — невозможно не порадоваться.

Ксюша сняла туфли и ступила на коврик. Нет, он не тот же. На нем мелкие частицы грязи, принесенные на обуви с улицы. Она отряхнула ноги, надела тапки, которые прятались за дверцей шкафа, взяла здоровой рукой пакет с вещами и прошла в ванную. В корзине с бельем лежали грязные носки Пети, скрученные в улитку, а некоторые валялись на полу. Она принялась разделять их по одному, скидывать в мешок для стирки. Бросила вместе со своими вещами в машинку и запустила программу.

Затем подняла глаза и впервые за три недели посмотрела на себя в зеркало. Рыжие волосы свисали с двух сторон, жирные и тусклые. В больнице их только раз удалось помыть. Глаза впали и из-за светлых ресниц выглядели бледными. Даже цвет стало невозможно определить — совсем прозрачные, словно кто-то старательно разбавил водой два зеленых пятнышка на лице и так же искусно подрисовал темные круги под нижними веками. Щеки обтянули скулы, и от этого нос казался более выступающим и острым. Веснушки, рассыпавшиеся по всему лицу, позволяли скрыть бледность, но не могли справиться с усталостью, затаившейся в уголках глаз.

Ксюша заправила волосы за уши. В любую погоду, в любом возрасте, и в горе, и в радости они всегда были одинаковыми: стояли торчком, будто хотели все знать и слышать. Она прятала их за волосами и осмеливалась делать хвосты только дома. Однажды ее коротко остригли, и эти воспоминания до сих пор были болезненными. Не только из-за ушей. Но Ксюша не хотела вспоминать те времена. Они давно прошли, и возврата к ним не будет.

Ксюша вошла в гостиную. Спертый воздух подстегнул ее броситься к лоджии и открыть створки на улицу. Сразу посвежело. Комната наполнилась гулом машин, щебетом птиц и дыханием легкого ветра. Она слышала эти звуки и раньше, но сейчас они зазвучали по-новому. Ведь Ксюша не умерла, и этот шумный мир теперь был не просто данностью, а подарком.

Она поправила шторы, уложила тяжелые складки в ровные волны. Взгляд скользнул по дивану: подушки съежились и стали плоскими, будто кто-то вдавил их в спинку. Ксюша помяла их рукой, покидала, словно отбивную котлету, и, вернув прежнюю форму, расставила по местам.

На журнальном столике, на который Петя за просмотром телевизора имел привычку вытягивать ноги, пылились две стеклянные кружки. Обычно он пил из них чай или свежесжатый сок. Но едва уловимый дрожжевой запах говорил о распитии другого напитка. На подвесной тумбе, где стояли семейные фотографии, пыль лежала бархатным слоем, и Ксюша размашисто нарисовала на ней сердечко. Дом, милый дом... в котором давно не было хозяйки.

Она прошла на кухню. Это было ее любимое место. Здесь она проводила вечера за готовкой, работала за ноутбуком, читала книжки. Пространство было продумано до мелочей: функциональный гарнитур, умная техника, уютный диванчик. Каждый предмет, будь то кошачья миска или набор ножей в подставке, занимал свое единственно верное место.

Но сейчас Ксюша не узнавала любимую кухню. Столешницу захватили баночки со специями и крупами, переехавшие из шкафов. В раковине и около нее громоздилась гора грязной посуды. На плите растекся и застыл бульон, образовав на поверхности подобие географической карты России. На столе замер графин с мутноватой водой, два немытых стакана, рядом с ними лежало скомканное засаленное полотенце.

Этот хаос Ксюше был знаком — в таком же виде кухня встречала их с Соней после возвращения с дачи. Петя находился в доме как зритель на чужом спектакле, даже посудомоечная машина оставалась частью декораций, к которым не полагалось прикасаться. До двадцати пяти лет его опекала мать, затем эстафету приняла Ксюша. Готовил он лишь самые элементарные блюда, да и те пригорали. Венцом его кулинарного искусства была яичница, но съедал он ее не целиком: брезгливо отсекая белок, оставлял на сковороде бледные островки, которые доставались Ксюше.

С опаской она открыла посудомоечную машину — и выдохнула: внутри царил почти стерильный порядок, лишь два бокала с рубиновыми разводами от вина и две белые тарелки стыдливо жались друг к другу. Она сложила к ним всю посуду из раковины и включила машинку. В иное время перемыла бы все вручную, но гипс напоминал о себе легким зудом. Решила пощадить себя — дел по дому и без того хватало.

Под ногами хрустели крошки. Ксюша запустила робота-пылесоса, и тот послушно зажуужал. Обычно она мыла полы сама, ползая на четвереньках, а швабру использовала лишь для уборки под кроватью. Но сейчас с тоской поняла: на трех костях по полу не поползаешь. Придется довериться нехитрому инструменту.

Ее взгляд вернулся к грязному полотенцу, и комната поплыла перед глазами, растворяясь в очертаниях шестиметровой кухоньки из детства. Вновь пожелтевшие от табачного дыма обои, чей настоящий цвет уже не вспомнить, едкий запах курева в воздухе и скрипучий пол под ногами. На столе, заваленном консервными банками и тарелками с рыбными костями, лежало полотенце — не скомканное, а аккуратно расправленное, чтобы прикрыть это изобилие. Даже рыбную вонь она ощутила, будто и впрямь перенеслась не только во времени, но и в пространстве. Под тем полотенцем всегда кишела какая-то жизнь, и Ксюша каждый раз, замирая от страха, должна была его сдернуть, чтобы эту жизнь уничтожить.

Этот страх охватил ее и сейчас. Тело зазудело, словно по нему поползли тараканы. Сердце забилось быстрее. Она сжала полотенце в комок и мяла до тех пор, пока были силы. Потом развернула его и увидела, что тараканов не было. Выдохнула. Отнесла его в ванную и замочила в отдельном тазу.

Прошла в детскую. Розово-белые оттенки мебели и стен напомнили Ксюше картинку из детской книжки. В замке на самом верхнем этаже в такой комнате жила принцесса. На окнах висели легкие шторы, которые наряду с воздушными шарами на обоях придавали ощущение воздушности и безмятежности. У стены, возле книжного стеллажа, стояло небольшое электронное фортепиано. Соня называла его «мой белый рояль», хотя до настоящего рояля ему было далеко. Вся кровать была усыпана плюшевыми игрушками, и множество черных глазбусинок смотрели на Ксюшу немигающим взглядом, словно удивляясь, кто она такая. Озорной зайчик чуть накренился к медвежонку — то ли хотел спросить у него о Ксюше, то ли просто устало положил голову ему на плечо. Ксюша вернула его в вертикальное положение, пригласила уши и сообщила, что скоро к ним вернется их хозяйка. Ей показалось, что на лицах игрушек промелькнула радость, и, улыбнувшись своим мыслям, она отвернулась от них.

Уезжая к бабушке, Соня оставила после себя порядок. Лишь слой пыли на мебели выдавал ее долгое отсутствие. Ксюша открыла окно, чтобы освежить детскую к приезду дочери, протерла пыль на столе и удалила отпечатки пальцев с напольного зеркала. Запустила в комнату робота, а сама вышла.

В спальне беспорядка не было: даже кровать заправлена. Но в платяном шкафу грязные рубашки и футболки Пети не висели на плечиках, а лежали сложенные пополам на штанге между вешалками. Ксюша сгребла их в одну кучу и унесла в ванную. После этого прошлась по всей квартире с тряпкой, а затем взялась за полы. У нее была швабра с контейнером для воды, позволявшим распыскивать воду перед собой, и ею можно было пользоваться одной рукой.

Когда дошла очередь до спальни, Ксюша опустилась на колени и провела шваброй под кроватью. Робот-пылесос уже побывал здесь, оставалось только увлажнить пол. Вдруг она заметила что-то, с чем пылесос не справился: он загнал мусор под ножку кровати, и тот застрял. Ксюша отложила швабру и ногтем поковыряла фольгированную бумажку, выгоняя ее наружу. Затем опустилась на пятки и с изумлением посмотрела на вскрытую упаковку презерватива. «Я ведь ее выбрасывала. Откуда она здесь?» Ксюша вспомнила, как перед больницей находила такую же обертку под кроватью и выкинула в мусорное ведро. Как она снова оказалась в спальне? «Может, выпала, и кошка играючи затащила ее обратно? А если не кошка?» — мелькнула мысль, но она тут же отогнала ее. Не сейчас. Сначала порядок.

Когда она закончила уборку, вспомнила о письме Саше и открыла ноутбук. С волнением ждала, пока он загрузится и подключится к интернету. Прошло не больше минуты, но мыслей пронеслось полсотни. Ксюша как мантру повторяла, что, каким бы ни был ответ, она не расстроится, ничего не изменится и никакие слова Саши ее не ранят. Зачем пропускать боль через себя дважды? Она просто перестанет надеяться и вернется к прежней жизни — без Саши.

Сообщений от подружки не было. Но в сеть она заходила несколько часов назад и наверняка видела уведомление. «Значит, общаться со мной она не хочет», — глубоко вздохнула Ксюша. Она закрыла ноутбук и достала из шкафа тетради с письмами к Саше. Столько лет она рассказывала ей о своей жизни, о дочери и надеялась, что однажды повторит все вживую. Но, видимо, эти письма так и останутся криком, застрявшим в бумаге, и никто о них не узнает. Разве что Соня, когда вырастет: ей будет интересно об этом прочитать.

И словно этот день в судьбе дочери настал, Ксюша села на диван, откинувшись на спинку и открыла первую тетрадь. Пролистала несколько страниц и принялась перечитывать свои письма Саше. С того дня, когда Соня появилась на свет.

Сашка, ты не представляешь, какая я счастливая! Я стала мамой! Как же тебе объяснить, что это значит? Ты всегда хотела быть врачом и спасать людей. И представь, что ты спасла жизнь не одному, а сразу нескольким людям. Ты была бы счастлива и понимала, что не зря много лет училась на врача — ты заслужила это звание. Ведь правда? И я так же счастлива. У меня теперь есть семья. Муж и дочь. Моя маленькая девочка с узкими щечками вместо глазок. Но скоро они откроются, и я смогу увидеть, какого они цвета. Неправду говорят, что все дети одинаковые, когда рождаются. Это как сказать, что все китайцы на одно лицо. Нет, лица разные. И у китайцев, и у новорожденных. У меня в палате еще двое детей лежат, и они совсем не похожи на мою девочку. Моя намного красивее и спокойнее, и... она самая лучшая. Ты бы видела, как она прижимается к моей груди и как жадно ее сосет. Такая кроха, а уже знает, что делать. Вот что значит инстинкт. Она даже с закрытыми глазками легко находит мою грудь. По запаху. Знаешь, я тоже немножко попробовала своего молока. Такое сладковатое, тепленькое. Действительно вкусное.

Дальше шел отступ и следующее письмо, написанное спустя год.

Сашка, сегодня моей Сонечке исполнился год. Прости, что так долго не писала. Дел было невпроворот. Дни пролетали как секунды. Только встанешь утром, а уже пора спать. Все дни в хлопотах, но таких приятных. Ах, Сашка, если бы ты только знала, как здорово быть мамой, заботиться о ком-то, оберегать. Быть кому-то нужной и любимой. Пусть Сонечка еще не может сказать мне, что любит меня, но я это чувствую. В том, как она говорит «мама», или в том, как начинает хныкать, стоит мне отлучиться из комнаты. Петя даже чуточку ревнует ее ко мне. И она тоже умеет ревновать. Когда Петя меня целует, она подходит или подползает и просится ко мне на руки. А потом отталкивает Петю и обнимает меня. Представляешь, какая душка? Мне так приятно. Хотя, конечно, Пете я этого не показываю.

Мы живем в своей квартире. Недавно купили в ипотеку. Дороговато, но Петя сказал, что потянем. В дом первой вошла кошка. Петя недавно нам ее подарил, чтобы Сонечка привыкала к животным и у нее не было аллергии. У Сонечки своя комната, но пока она спит с нами. Когда подрастет, мы ее переселим. Не знаю, как я смогу отлучить ее от себя, пусть даже на двадцать метров дальше. Но я подумаю об этом потом. А пока буду наслаждаться ее близостью.

У нас уже шесть зубов. Ох и намучились мы, когда они лезли. Сейчас тоже капризничает и тянет в рот все подряд. Наверное, следующие зубки лезут. Иногда кусает меня за грудь. А зубки такие острые. Однажды я вскрикнула от неожиданности, Сонечка испугалась и заплакала. Я тоже чуть с ней не расплакалась. Напугала мою бедную девочку и не знала, как загладить перед ней вину. Всю ее зацеловала, пока она не начала смеяться. И поверь мне, детский смех — лучшая награда за все страдания.

Она рано начала ходить. В восемь месяцев. Такая торопыга. В год уже бегают вволю. Только и гляди за ней. Все от нее прячу, особенно мелкие вещи. Пока не проверю все полы, одну ее ни на секунду не оставляю.

Помню, Петя с работы вернулся, снял брюки, и из кармана что-то выкатилось. Я так перепугалась. Посадила Сонечку в кроватку и пока не нашла монетку, не успокоилась. Петя уже ругаться стал, что мне показалось. Хотя сам слышал, как монетка упала. Поэтому ты легко меня поймешь, почему ни с кем Сонечку я не оставляю. Даже к своему врачу хожу с ней. Беру игрушки, и Сонечка играет с ними, пока я прохожу осмотр.

У меня нет ни одной фотографии из детства, но мне кажется, Сонечка похожа на меня. Только глазки карие, как у Пети. Веснушек у нее пока нет, но волосики золотистые. Наверное, уже не будут ярче, но мне такие большие нравятся. Ушки тоже Петины. Не придется их стыдиться и прятать.

Сегодня мы идем в детское кафе. Там есть небольшая игровая площадка, и я надеюсь, она ей понравится. Будем отмечать ее день рождения. Жаль, что Сонечка его забудет. Но будут другие дни рождения в ее жизни, и я сделаю все, чтобы их она не забыла. У моей девочки будет самое счастливое детство, самая любящая мама и все самое лучшее. Вот увидишь.

Ксюша перелистнула страницу и приступила к прочтению следующего этапа жизни Сонечки.

Сашка, сегодня Соне исполнилось два года. Она уже разговаривает, и не по одному слову, а целыми предложениями. Выучила стишок и будет рассказывать перед гостями.

Я перестала кормить грудью Сонечку, когда ей было год и два месяца, потому что вернулась к учебе. Забыла тебе написать — я же поступила в институт после школы. В педагогический. Как и планировала, буду учителем начальных классов. Расставаться с Сонечкой было нелегко, но я решила, что смогу совместить заботу о ней с учебой. В этом мне помогла

бабушка Пети, Мария Степановна. На период сессии она жила у нас. Сонечка быстро привязалась к ней и со временем перестала плакать, когда я уходила.

Извини, но мне пора. Сонечка просыпается, надо собирать ее на праздник. Уже предвкушаю, как загорятся ее глазки, когда она увидит, что мы для нее приготовили. Как здорово, что сейчас столько возможностей сделать ребенка счастливым! Не то что в моем детстве. Хотя... может, это только мне не повезло. Но не будем о грустном. Сегодня же такой чудесный день!

Следующее письмо Ксюша отделила от предыдущего волнистой линией.

Сашка, вот нам уже и три года. Сонечка пошла в детский сад. Болеет теперь чаще. В садик многие водят сопливых детей, и Соня подхватывает от них. Но надеюсь, скоро иммунитет укрепится и будем болеть меньше.

Кроме учебы в институте, я еще пошла на курсы по вождению. Петя настоял. Он поддерживает мои стремления развивать Сонечку в разных направлениях, и чтобы везде успевать, хочет купить мне машину. Я, конечно, ужасная трусиха, но согласилась. Это действительно удобно и позволит записать Соню на кружки, не привязываясь к близости дома.

Подумываем с Петей о втором ребенке и уже предпринимаем попытки. Нам обоим хочется, чтобы у детей не было большой разницы в возрасте, и они росли вместе. Как он со своей сестрой. В детстве они были дружны, но сейчас она живет в Москве. Зовет Петю к себе, но пока работы там для него нет. Но если честно, мне в Москву не хочется. Это же так далеко.

Ксюша отложила тетрадь, сходилa на кухню и открыла посудомоечную машинку. Пока посуда остывала, занялась обедом. На это ушло около часа, после чего она вынула посуду, расставила ее по местам и вернулась к прочтению писем.

Сашка, моей Сонечке уже четыре года. Она все больше напоминает меня. Появились веснушки, совсем чуть-чуть и только на лице, и они ей очень идут. Каждая веснушка на одинаковом расстоянии от другой, будто их кто-то специально нарисовал. Однажды воспитательница в детском саду так и подумала. Я так смеялась. Летом они заметнее, зимой скрываются.

Права я получила, и Петя купил мне машину. Сразу записала Соню в музыкальную школу по классу фортепиано, в бассейн и на развивающие занятия в детский центр. Вожу ее по всему городу. И сама хожу с ней в бассейн. Учимся плавать вместе. Я же так и не освоила эту науку, но никогда не поздно начать.

Продолжаю учиться в институте, и бабушка Пети мне помогает с Соней. Я тоже не остаюсь в долгу и подвожу ее на почту в дни пенсии.

Соня растет очень общительной и любознательной девочкой. Везде, куда бы ни пришла, найдет себе друзей и потом мне о них рассказывает. Такая умничка! Нарadowаться на нее не могу.

Ксюша вдруг взгрустнула и решила позвонить дочери. Ей захотелось услышать ее голос и убедиться, что дочь вечером вернется домой. Она бы и сама за ней съездила, но теперь ее машина была у Пети, и добраться до дачи не на чем.

После нескольких гудков Соня ответила, и Ксюша узнала, что и на даче Сонечка нашла себе друзей. Какие-то соседи приехали с внуками, и она напросилась к ним в гости. Ксюша просила сильно не утомлять чужих людей и попрощалась до вечера. И снова вернулась к письмам.

Сашка, сегодня прошел первый отчетный концерт Сони. Она играла на фортепиано. Соня лучшая среди юных пианистов. Ей всего пять, а она относится к занятиям так, словно от этого зависит чья-то жизнь. Ни одной репетиции не пропускает. Даже с насморком ходит. «Настоящий музыкант должен быть на сцене и готовиться к выступлению в любом состоянии», — сказала она. Ты представляешь, какая ответственная?

Этим она, наверное, пошла в Петю. Он тоже в любом состоянии мчится на работу. Он теперь телеведущий и не хочет подводить ни коллег, ни зрителей, которые его смотрят.

Не скажу, что я безответственная, но мне приходится уважать своих учеников и не ходить к ним, когда не здорова. Ой, я же тебе еще не написала, что окончила институт и теперь работаю учителем начальных классов. А пока училась, подрабатывала репетитором. У Петиных друзей дети собирались в школу, и я их готовила. По-дружески бесплатно, конечно, но для опыта мне пригодилось.

Интересно, а ты выучилась на врача? Хотя на врача учатся долго. Если ты и учишься, то, наверное, еще не окончила. Может быть, мы когда-нибудь встретимся, и я все узнаю. А хочешь ли ты нашей встречи?

Как же давно я тебе не писала, Сашка. Сколько же всего произошло за эти два года. Соне уже семь лет, и мы собираемся идти в первый класс. Она знает все буквы и умеет читать. Я сама ее учила. Но в школе у нее будет другой учитель. А я из школы ушла.

Сейчас занимаюсь репетиторством. Сонечка одно время много болела, и мне пришлось оставить школу. То мы лечили аденоиды, то пальчик на ноге она сломала, то лежали в инфекционке.

Купили дачу. Лето проводим там. Свежий воздух, добротный домик, беседка и фруктовые деревья — что еще надо для отдыха с ребенком? Огород я не держу. Работы и без того хватает. Дачу мы взяли для отдыха, вот я и отдыхаю.

Со вторым ребенком нам пока не везет. Лежала по этому случаю в больнице. Делали небольшую операцию, после которой должно было все восстановиться, но уже третий месяц тест отрицательный. Петя просит не загонять себя этими неудачами в депрессию, ведь у нас есть Соня, и невелика беда, что не получается второй ребенок. Но я все равно переживаю. Сонечка же получилась, почему не получается с другим? Ведь и здоровье я поправила, и у Пети все нормально. Я уже и врача сменила, думала, другой что-то новое скажет. Но он говорит то же самое: «Отпустите мысли о ребенке, и он у вас появится». А как отпустить?

Сонечке о своих неудачах я не говорю. Она девочка впечатлительная и тоже может начать переживать. Она и так спрашивает у нас с Петей, когда мы ей братика или сестричку подарим. А мы пожимаем плечами и, как многие родители в нашем положении, отвечаем: когда аист будет пролетать мимо. Знать бы, где зимует этот аист, я бы его сама за хвост поймала и в наш дом привела. Но, видимо, аисты в нашем регионе не водятся.

Ох, что за времена наступили, Сашка? Если ты медик, тебе, наверное, сейчас несладко. Это что же за зараза такая к нам пожаловала да «короновала» всех? Проклятый ковид! Унес жизнь Петиного дедушки. Долго он лежал на ИВЛ, но так и не выкарабкался.

Бабушка тоже переболела, но смогла победить болезнь. С памятью у нее стало хуже, запахов до сих пор не чувствует, на улице однажды потерялась и не могла сориентироваться, где находится. Хорошо, ей знакомые попались на пути — так они ее домой довели. Недержание появилось, и чудить стала. То нечищеную картошку в суп бросит, то кастрюлю вместо холодильника в шкаф поставит, то зубы кремом для рук почистит. На улицу ее перестали выпускать, готовить запретили. Отправили в деревню к дочери. За ней смотреть надо, а в городе некому. Я хотела помочь с этим: бросить репетиторство или у нас на дому принимать

тех детей, которых смогут привозить ко мне, и взять бабушку к себе, но Петя не согласился. Сказал, в деревне ей будет лучше: свежий воздух и заблудиться негде. А мне так неудобно. Бабушка столько для нас сделала, и не помочь ей, когда она нуждается, выслать в деревню как негостя только потому, что мочиться чаще стала, — не по-человечески это как-то. А потом Петя сказал: «Ну что ты так переживаешь, будто ее в дом престарелых отправляют? Она же к дочери едет, там за ней будут ухаживать. Тете Оле все равно заняться нечем, вот и приглядит». Это в деревне-то заняться нечем? Но я не стала спорить. В каком-то плане он прав. Дочь ей все-таки роднее, чем я, и, возможно, с ней бабушке комфортнее.

Работы у Пети стало меньше. Нет, не на телевидении. Он еще, кроме телевидения, работал на корпоративах, и с их запретом стал переживать за кредиты. Мы же дачу и машину тоже в кредит брали, и сумма немаленькая набралась. Из-за этого он совсем дома мало бывает. Но я не жалею. Ковид многих подкосил и в долги загнал, но мы более-менее справляемся.

Сонечка тоже болела, но тест был отрицательный. Но зато в эту пору я узнала, что у нее такая же группа крови, как и у меня, — четвертая. Она с чего-то решила, что это самая выносливая группа, и теперь, когда я намекаю, что она может от чего-нибудь заболеть, она мне твердит, что у нее четвертая группа крови и никакие «заболеть» ей не страшны. Она уже забыла, как часто болела до школы, да и я готова это забыть.

Несмотря на ковид, мы с Петей не оставляем попыток завести второго ребенка. Я постоянно меряю базальную температуру и веду записи в приложении телефона, чтобы знать, какие дни наиболее благоприятны для зачатия. Организм работает как часы, но почему-то дает сбой. Мне кажется, Петя не переживает по этому поводу, он уже смирился. Но я не могу. Ведь даже у меня когда-то был младший брат, пусть недолго, но это делало меня такой счастливой. И я хочу, чтобы у Сони было это счастье. Но не на два года, а на всю жизнь. Разве я многого прошу?

Знаешь, а я ведь слежу за твоей страничкой в ВК и отправила тебе заявку в друзья. Но ты пока не ответила. Хочу написать тебе сообщение, но почему-то не решаюсь. Исчеркала письмами к тебе всю тетрадь, а в интернете боюсь. Вдруг ты меня уже забыла или до сих пор злишься. Глупо, конечно, но ты была такая эмоциональная, так легко взрывалась. Навоображала себе всякую ерунду и даже не дала мне ничего объяснить. Хотя, мне кажется, я и не пыталась что-то объяснять. Твои слова сильно меня задели, и я так скверно себя чувствовала. Я знаю, ты не со зла. Просто так получилось.

Может, у нас есть шанс все вернуть и забыть старые обиды? Как ты думаешь, Сашка? Напиши мне, я очень скучаю.

Записи закончились. Ксюша встала, нашла ручку и пошла на кухню, чтобы продолжить письма к Саше. Здесь еще пахло приготовленным обедом, и желудок жалобно заурчал. Но она решила сначала поделиться с Сашей событиями последних дней, а уже потом пообедать.

Ксюша хотела написать о смерти бабушки, аварии, коме и успехах Сони, но больше всего ей хотелось сообщить Саше о примирении со свекровью. Когда-то, еще в самом первом письме, Ксюша дала клятву, что не напишет об этой женщине больше ни слова, но обстоятельства изменились, и она решила поделиться этими переменами с подругой.

Но только рука вывела на бумаге имя Саши, как раздался звонок в дверь. Ксюша вздрогнула и поспешно закрыла тетрадь. Кто бы там ни пришел, эти записи он видеть не должен. Она отнесла их в укромное место в шкафу и пошла открывать дверь. В глазок она увидела какую-то блондинку в черных очках и растерялась.

— Кто? — спросила она.

— Извините, Ксения Ветрова здесь живет?

Голос показался Ксюше знакомым, но она отринула мысль о том, кто это. Решила, что по-прежнему под впечатлением от своих писем и ей слышалось.

— Кто вы? Зачем она вам?

— Ксюш, ты? Это Саша, открой, пожалуйста.

Эта фраза прозвучала как кодовые слова, и Ксюша быстро провернула замок. А в голове забились одна и та же мысль: «Не может быть... Не может быть... Не может быть». Но за дверями действительно стояла Сашка.

Глава седьмая

2002 г.

В субботу Ксюша пришла в сквер. Шел дождь, но это ее не остановило. Она стояла под зонтиком возле детской площадки и вглядывалась в лица прохожих. Они спешили куда-то по своим делам и не обращали на нее внимания. Дождь хлестал по земле и забрызгивал колготки Ксюши, но она этого не замечала. Даже если бы она была без зонта, она бы и тогда не чувствовала промозглости и холода. Всем нутром она пребывала в видимом лишь ей мире, где некрепкая фигура отца маячила между деревьями.

Ксюша не была с ним особенно близка, и не сказать, чтобы соскучилась, но без него она ощущала пустоту и отчаяние. Целую неделю никто не уходил ранним утром на работу, никто не возвращался вечером, и некого было ждать. Отец дарил ей какую-то надежду и чувство защищенности, хотя сам был жалким и смиренным.

С матерью Ксюша старалась не пересекаться и, если такое случалось, торопилась поскорее спрятаться от нее и не нарваться на грубость. Порой, чтобы этого избежать, Ксюша оставалась без завтрака, обеда или ужина — в зависимости от времени суток, — потому что мать сидела на кухне и вливала в себя прозрачную горькую (о чем Ксюша догадывалась по выражению ее лица) жидкость. При этом мать что-то бормотала и даже срывалась на выкрики, будто отстаивая перед кем-то свою позицию. Но кроме нее никого на кухне не было.

В другое время мать смотрела в зале телевизор, спала или вообще куда-то уходила. Это были безопасные моменты, и Ксюша использовала их, чтобы поесть или сходить в туалет.

На третий день после ухода отца Ксюша шла из ванной и застала мать на кухне в слезах. Та лежала на согнутых руках прямо на столе, а ее рыжие волосы рассыпались по плечам и будто обняли, желая утешить. Она выла, словно сирена, которую Ксюша слышала в старых военных фильмах при угрозе бомбардировки. Девочка замерла в проходе между кухней и залом и оторопела. «Из-за папы. Она все-таки его любит и жалеет, что он ушел».

Ксюша поспешила в свою комнату и взялась за тетрадь. После учебного года остались чистые листы, и она решила использовать их для написания нового рассказа. В голове наслаивалась одна фантазия на другую, и Ксюша торопилась облечь их в слова. Она писала, как родители поругались, как отец ушел из дома и как мама страдала без него, не осмеливаясь позвать назад. В сознании матери все перевернулось, когда она поняла, что, несмотря на все размолвки и недостатки отца, любит его и жить без него не может. Но он не приходил, и мама думала, что он ее разлюбил и не вернется. И чтобы утешить мать, Ксюша сказала ей, что встретится с ним в субботу, и, если мама хочет, Ксюша уговорит его вернуться. Мать впервые за многие годы бросилась к дочери в объятия и взмолилась, чтобы та привела отца назад. Пусть даже силой. Но сила не потребовалась. Отец обрадовался, что мама зовет его обратно и с радостью побежал с Ксюшей домой. Родители долго обнимались и целовались, и в семье наступил мир и покой.

Ксюша улыбнулась и отложила ручку. Такой конец истории ей нравился. Вот бы все так и было! И она с еще большим нетерпением ждала выходных, чтобы осуществить свои мечты.

Но отец в субботу не пришел. Ксюша успокоила себя тем, что шел дождь, и он удержал отца от встречи. Он наверняка решил, что Ксюша не пойдет в такую погоду в сквер, и отложил свидание на другой день. И она вернулась на то же место в воскресенье. Матери сказала, что идет за хлебом, но услышала ли та ее, Ксюше было неважно. Дождя не было, но теплее не стало. По небу так же гуляли тучки, подгоняемые ветром, и от земли поднимался сырой, с примесью гнили запах.

За хлебом она действительно сходила, а потом почти весь его скормила голубям в парке, пока ждала отца. Но он так и не появился. Ей было грустно, но она не теряла надежду. Она приходила в сквер каждый день и под предлогом прикорма птиц продолжала ждать его. При-

носила голубям то семечки, то пшено и забавлялась их воркованием и поспешностью, с которой они клевали зерно. На некоторое время она забывала о печали, но, когда корм заканчивался, Ксюша возвращалась в реальность: ее ожидания оказывались тщетными.

Однажды мать зашла в комнату Ксюши и заговорила с ней впервые после ухода отца. Ксюша в это время сидела на подоконнике и смотрела на сумеречный город, железную дорогу, по которой стучали поезда. Все, что происходило за окном, не имело к ней никакого отношения, и, если она вдруг исчезнет, поезда все так же будут стучать по рельсам, машины куда-то спешить, а люди думать о ком угодно, но только не о ней.

— Мы уезжаем.

— Куда? — вздрогнула Ксюша то ли от звука своего голоса, который давно не слышала, то ли от перемен, которые приготовила ей жизнь.

— В другой город. Я там родилась.

— Зачем?

— Я уволилась. И жить нам скоро будет негде.

— А как же папа?

— Что папа?

— Он поедет с нами?

Мать глубоко вздохнула и потухшим взглядом обвела комнату.

— Нет. Мы поедem вдвоем.

— Я не поеду! — неожиданно сорвалась Ксюша. — Без папы не поеду. Он будет ждать меня в сквере.

— Никто тебя ждать не будет! Твой отец упал с крана и разбился в лепешку. Он умер!

— И, словно почувствовав вину, что не взяла дочь на похороны, добавила: — Его хоронили в закрытом гробу. Смысла тебя брать с собой не было. Поняла? — Голос матери задрожал, и она выбежала из комнаты.

Ксюша замерла, будто ее резко заморозили, и пошевелиться — значило рассыпаться на мелкие кусочки. Внутренности скрутило в один большой ком, и дышать стало тяжело. Она судорожно сглотнула слюну, словно хотела протолкнуть ею тот самый ком. И лишь в голове пульсировала кровь и стучала по вискам, отбивая одни и те же слова: «Это неправда! Неправда! Неправда!»

Она метнула взгляд к столу и зафиксировала его на тетради. В ней оставались неисписанные листы, и они как маяк в безлунную ночь были призваны спасти ее от надвигающегося помешательства. Отец не ушел, не умер, он жив и обязательно вернется.

Канск встретил их ярким солнцем и трусливыми облаками, разбежавшимися по краям неба. Город словно радовался встрече с ними и гостеприимно озарял их путь. Он не мог похвастаться огромной территорией и множеством высоких домов, но Ксюша увидела широкую реку, мост через нее, по которому они проезжали, и загадала желание жить неподалеку, чтобы бегать к реке и любоваться ее водной гладью. Она принялась считать, чтобы знать, сколько в цифрах займет расстояние от моста до дома, где они будут жить. На светофорах она останавливалась, а когда машина трогалась с места, продолжала. Счет прекратился, когда мать сказала: «Все, мы приехали». На воображаемом счетчике «показывало» пятьдесят шесть. «Как близко! У меня больше нет поездов, но, может быть, я буду наблюдать за большими кораблями?» — подумала Ксюша, выходя из машины.

Их довез до Канска папин друг Степан, который, как поняла Ксюша из разговора между ним и мамой, был на похоронах отца и вызвался помочь им с переездом. Он сам был из Канска и с грустью сообщил Ксюше, что именно он познакомил ее отца с матерью. Отец приезжал к

нему на день рождения из Красноярска и встретил среди прочих гостей мать Ксюши, сразу влюбился и вернулся домой через два дня вместе с ней.

— Вот это любовь, Ксюша, — вздохнув, заключил Степа. — Настоящий мужик долго думать не будет. Если женщина ему нравится, он сразу...

— Степа, прекрати, — перебила его мать. — Она еще ребенок, не надо ей чепухой голову забивать.

Когда они вышли из машины, мать попросила Степу помочь им с вещами. Около квартиры на третьем этаже мать остановилась и вынула из сумочки ключи. Повертела их неуверенно в руках, а потом приложила к замку. Медленно вставила и так же медленно провернула. Затем выдохнула и тихо пробормотала: «Подошли». Войдя в узкую прихожую, ограниченную с правой стороны шкафом, и пропустив остальных, она стала благодарить Степу за помощь и просила его уйти. Они с дочерью с дороги устали, им надо разобрать вещи и отдохнуть.

— Даже чаем не угостишь?

— Степ, езжай домой. Чаем тебя жена напоит, — забирая у него сумку с вещами, сказала мать.

Они смерили друг друга взглядами, природу которых Ксюша еще не понимала, но почувствовала, что в спертom воздухе повеяло чем-то отравляющим, от чего начинало тошнить.

— Понял. Но ты, если че, звони. Домашний ты помнишь. Может, починить, подкрутить чего надо будет.

— Позвоню. Иди.

И Степа ушел. Ксюше сразу стало легче дышать, будто в прихожую запустили воздух.

— Бери сумки и неси их в зал. Он там.

Ксюша подхватила два небольших пакета и понесла, куда указала мать. Полы под ее ногами зашкрипели и чуточку прогнулись, и она испугалась, как бы не провалиться к соседям. Но, обернувшись, обнаружила, что вмятин на полу не осталось.

За арочным проемом оказались две комнаты: зал и кухня. Воздух в них был тяжелым и затхлым, и мать бросилась открывать все окна. Ксюша же замерла на месте и принялась осматриваться по сторонам. Старенькая мебель с перекошенными дверцами, а в одном месте и вовсе без дверцы (от нее остались только ржавые шарниры), как на последнем издыхании замерла вдоль стены. На столешнице громоздились жестяные баночки — вскрытые и закупоренные — не оставляя свободного места. Плита покрылась толстым слоем пригоревшего жира, а пожелтевший холодильник с распахнутой настежь дверью был пуст, как ее желудок.

В зале на полу лежал цветастый ковер, глушивший шаги. К одной стене жались диван на толстых ножках и стол с опорой из книжной стопки, к другой — старый сервант. В стеклянном шкафу зияла пустота, а соседняя полка была забита клубками ниток, спицами, коробочками и газетами, сваленными вперемешку. Мать замерла перед пустым шкафом и выдохнула:

— Вот, сволочи, вынесли весь хрусталь.

Она замолчала и замерла, словно прислушиваясь к ответу. Ксюша тоже не шевелилась, боясь нарушить тишину.

— Это будет моя комната, — сказала мать. — Когда устроюсь на работу, обновлю здесь обои, потолки, пол. А пока выметем паутину и постираем шторы. Пошли, покажу твою комнату.

Ксюша шагнула в соседнюю дверь. Комната поменьше. Ковер не только на полу, но и на стене у кровати — голоса здесь глохли, звучали коротко и обрывисто. Матрас твердый, с ложбинкой посередине. Напротив — светлый шкаф с раздвижными дверцами; на одной — зеркало в полный рост, сколотое сверху, и от скола в разные стороны, точно дороги на карте, разбежались трещины. У окна — письменный стол с выдвигаемыми ящиками и стул с изогнутой спинкой. Ксюша провела ладонью по столешнице. Кто-то до нее уже сидел здесь и написал

ручкой несколько слов — надпись пытались оттереть, но безуспешно. Ксюша склонилась и прочла: «Светик-семицветик».

— Это была моя комната и мой стол. И да, это писала я, — сказала мать, заметив движения Ксюши. — Отец меня отругал за небрежное отношение к столу и приказал оттереть. Он был строгим и трепетно относился к любой покупке. Особенно к той, которая сделана на его деньги. А так как я еще не зарабатывала, то и портить мебель не имела права.

На краешке стола с левой стороны понуро опустила голову настольная лампа с металлическим плафоном. Она словно грустила, что давно не используется. Ксюша нажала на кнопку на подставке и загорелся желтый свет. Неяркий, но как дополнительный источник освещения в вечернее время вполне подходящий.

— А кто твой отец? — отважилась на вопрос Ксюша. Она впервые что-то слышала о нем, и ей захотелось узнать подробности.

— Военный. Когда я родилась, он уже был в отставке, но все командирские повадки сохранял до самой смерти.

— Он умер от старости?

Мать глубоко вздохнула, дернула головой и резко сказала:

— Что-то мы разболтались. Давай разбирать вещи да есть готовить. Дел еще невпроворот.

«Я спросила что-то не то», — подумала Ксюша. Впервые за много лет мать начала говорить о своей семье, впервые не смотрела на нее со злобой и раздражением, и Ксюше показалось, что между ними могут установиться теплые отношения. Нужно только не задавать неосторожных вопросов. Вот только как узнать, какие из них неосторожные?

Бабушка по отцовской линии часто упоминала о матери-алкоголичке, живущей в Канске, и Ксюше хотелось знать, где эта женщина и почему бабушка называла ее алкоголичкой. Если она была матерью ее мамы, то выходило, что ей она бабушка. Почему они никогда не встречались и встретятся ли сейчас, когда тоже живут в Канске? Ксюше очень хотелось иметь большую семью, и где-то в глубине души она надеялась, что, если они воссоединятся с бабушкой, все у них с матерью наладится.

Оставшийся день они провели за распаковкой вещей, уборкой дома и приготовлением еды. Ксюша работала с матерью наравне и находила в совместных стараниях удовольствие. Они почти не разговаривали, но Ксюшу это скорее успокаивало, чем тревожило. Она знала, что если бы матери что-то не нравилось и она бы хотела сорвать злобу на дочери, то не стала бы сдерживаться.

Перед сном мать зашла в комнату Ксюши и сказала, что завтра пойдет в школу и, если в летнее время там кто-то есть, отдаст ее документы. Школа рядом, ее видно из окна и далеко ходить не надо. Мать сама училась в этой школе и считала ее лучшей в городе. Чем она лучшая, мать не объяснила, а Ксюша не спросила, но подумала, что, наверное, тем, что маме в ней нравилось. Ведь не просто так она была отличницей. Ксюша тоже мечтала быть отличницей и не посрамить имя матери. Кроме того, она питала надежду, что в новой школе заведет друзей.

Когда Ксюша проснулась, матери не было. Девочка решила, что та ушла в школу, и выглянула в окно, чтобы посмотреть, как выглядит здание. На некотором расстоянии от двора Ксюша увидела кирпичное трехэтажное строение, огороженное забором. Вдоль него росли тополя и мелкие кустарники, похожие на сирень, на территории гуляли только птицы, и Ксюша догадалась, что это и есть школа. Действительно рядом.

Убрав за собой постель, Ксюша умылась и зашла на кухню. Позавтракала кашей, которую сварила мать, и затем зашла в зал. Стала разглядывать книги, которые подпирали стол.

Несколько томов Пушкина, Лермонтова, Чехова и Толстого. Эти имена были у нее на слуху, и она уже проходила их в школе. На корешках книг также встречались имена незнако-

мых авторов и даже зарубежных, но внимание ее привлекла большая книга, которая лежала сверху в стопке и не была подписана. Ксюша потянула ее на себя и взяла в руки. Стол чуть накренился, но с поверхности ничего не упало. Книга была тяжелой и толстой, и между страницами виднелись какие-то бумажки. Чтобы их не рассыпать, Ксюша прижала книгу к себе и села на диван. Он неприветливо скрипнул и уперся чем-то жестким в ягодицы.

Она открыла ее и обнаружила, что это альбом с фотографиями. Одни были уложены под прозрачной пленкой, другие — лежали между страницами. Видимо, им не хватило места. Ксюша согнула ноги в коленях, поставила пятки по краям дивана и положила альбом сверху. Некоторые фотографии посыпались на диван, и Ксюша отодвинула их в сторону, оставив на потом. На первой странице под прозрачной пленкой она увидела цветную фотографию с желтоватым оттенком. На ней запечатлели маленькую девочку на коленях у мужчины и рядом с ними женщину. У мужчины был открытый лоб и чуть заснеженные виски. Две глубокие морщины разделяли его брови, переходили в переносицу и продолжали врезаться в кожу от крыльев носа к уголкам губ, а от них к подбородку. Он выглядел грозным и могучим, и от этого девочка на его руках казалась хрупкой и беззащитной. Ее невинный взгляд контрастировал с суровым выражением лица мужчины, и они будто бы дополняли друг друга. Она смягчала его жесткость, а он обеспечивал ей надежную защиту. Лицо женщины обрамляли короткие кудряшки, которые добавляли ей озорства, но губы лишь слегка улыбались. Взгляд же выглядел напряженным, словно она замерла в ожидании вспышки. Ксюша разглядела у нее веснушки и нашла в ее чертах сходство с чертами лица матери. «Неужели это мама и ее родители?»

Ксюша перевернула еще несколько страниц — мама в детском саду, в школе, с подругами — и задержалась на черно-белых снимках, где мать была с копной завитых волос, какой Ксюша ее никогда не знала. «Как лев», — подумала она и улыбнулась.

В этот момент она услышала ключ в замке и стала поспешно собирать фотографии с дивана и укладывать обратно в альбом. Захлопнула его и хотела вернуть на место, но фотографии посыпались, и, ахнув, Ксюша бросилась их собирать. Но не успела. Мать быстро скинула обувь и прошла в зал. Она застала Ксюшу с альбомом в руках, замершую с ним посередине комнаты, и уставилась на дочь, вздвув ноздри.

— Я думала, это книга, — пробубнила Ксюша, чувствуя недовольство матери.

— И что ты собиралась с ней делать?

— Полистать и посмотреть картинки.

Мать прошла в комнату и, тяжело вздохнув, опустилась на диван. Он скрипнул. Она посмотрела на альбом в руках дочери и о чем-то напряженно подумала.

— Садись. Вместе полистаем.

Ксюша недоверчиво покосилась на место возле матери и, будто убедившись, что оно ей ничем не угрожает, села. Мать забрала у нее альбом и открыла первую страницу. Ксюша оказалась права: суровый мужчина и напряженная женщина были ее дедушкой и бабушкой. Мать водила по их профилю руками, будто хотела ощутить их кожу и дыхание и передать им свое тепло. Она пролистнула несколько страниц, нашла те, где была с родителями, и повторила движение пальцами.

— Отцу было около пятидесяти, когда я у него появилась, — вдруг заговорила она. — Он долго не решался жениться, потому что был военным и постоянно скитался по гарнизонам. Не хотел, чтобы и семья переезжала с места на место. А когда вышел в отставку, приехал сюда, к своему армейскому другу, и сразу встретил маму. Она была моложе его на пятнадцать лет. Ее уже считали старой девой, и никто не надеялся, что она выйдет замуж. А тут появляется видный мужчина: холостой и бездетный. Без романтизма и нежности, но честный и принципиальный. И мама в него влюбилась. Он не пил, не курил, был жестким, но справедливым, и она почувствовала себя с ним как за каменной стеной.

Она работала в продуктовом магазине продавцом, и мы даже в самые тяжелые, дефицитные времена были с продуктами. Отец получал хорошую пенсию, и я никогда ни в чем не знала нужды. И, наверное, поэтому не мечтала, как многие мои подруги, быть фармацевтом, чтобы легко доставать лекарства, или продавцом, чтобы покупать по дешевке импортные шмотки. Я хотела быть актрисой: выступать на сцене, сниматься в кино и быть знаменитой. Но отец был против. Он считал, что актрисы... — Она осеклась и посмотрела на Ксюшу. — В общем, он сказал, что в его семье актрис не будет. Либо я выбираю приличную профессию, либо у него больше нет дочери.

— Что значит приличную?

Мать повела бровями, подыскивая нужные слова, и в конце концов сказала:

— За которую ему не придется краснеть.

Ксюша не стала вникать в смысл этих слов и, пользуясь тем, что мать разговорилась, продолжила задавать вопросы:

— А твоя мама хотела, чтобы ты была актрисой?

— Мама всегда хотела того же, что и отец. Она слушалась его и никогда не перечила.

— Где она сейчас?

— Умерла, — снова глубоко вздохнула мать. — Это случилось, когда... Женечка был совсем маленьким, и я не могла его ни с кем оставить. Ее хоронили чужие люди, и я даже не знаю, где ее могила. Да и не хочу знать. Главное, не могила, а память.

Мать перелистнула страницу и нашла еще фотографии, где они с бабушкой вдвоем.

— Почему бабушка Инна называла ее алкоголичкой?

— Ты знаешь, кто такая алкоголичка? — Ксюша помотала головой, и мать продолжила: — Когда отец умер, она не смогла справиться с горем и начала пить водку. Много пить. И это ее погубило.

— Он болел?

Мать резко захлопнула альбом и сжала челюсти.

— Ты слишком любопытная! Есть вещи, которые тебе не надо знать. Если я разболталась, это не значит, что тебе можно задавать вопросы. Иди к себе и не бери в моей комнате ничего без разрешения. Ты поняла?

Ксюша подскочила, отступила от дивана и, потупив взгляд в пол, попятилась к дверям.

— Поняла.

Глава восьмая

2002 г.

Мать устроила Ксюшу в школу, восстановила телефонную связь, которую отключили несколько лет назад за неуплату, и стала искать работу. После десяти классов она работала только маляром, но возвращаться к этой профессии не хотела. Она просматривала объявления в газете и в бегущей строке по телевизору и делала звонки. Мечтала о должности продавца в приличном магазине одежды, но везде требовался опыт и образование выше среднего. Это ее раздражало, и Ксюша в такие моменты старалась держаться от нее подальше.

Деньги были на исходе, и мать стала ходить по знакомым, чтобы занять. К тем, с которыми когда-то училась, дружила, встречалась. Но одни уехали, другие от нее отвернулись, третьи сами жаловались на безденежье. Все, что ей удалось занять, хватило один раз сходить в магазин.

Среди покупок оказалась и бутылка водки. Увидев ее, Ксюша не сдержалась от короткого взгляда на мать. «Ты хочешь умереть? А что будет со мной?» — спрашивали глаза Ксюши. Мать перехватила этот взгляд и сквозь зубы процедила:

— Чего смотришь? Мне надо снять стресс.

Ксюша ничего не ответила и принялась раскладывать продукты по полкам холодильника. Если мать что-то решила, она не сможет ей помешать.

Через две недели Ксюша пошла в школу, в четвертый класс. Все одноклассницы на Первое сентября были нарядными: в белоснежных блузках с красивыми рюшами и воланами, хорошо отглаженных юбках, с пышными бантами на голове. В руках они держали огромные букеты, и Ксюша почувствовала неловкость из-за своей одинокой астры. У матери не было денег, и ночью она где-то сорвала три цветка, к утру два из них завяли.

Ксюша надела белую блузку, только прошлогоднюю, без рюш и воланов, но с пластиковой брошью у воротника. Рукава стали коротковаты, манжеты отстирывались с трудом. Черная юбка от частого глажения лоснилась, колени выглядывали из-под подола, колготки собирались «гармошкой». Ксюша постоянно норовила их подтянуть, но только сильнее растягивала, и складок становилось больше. С детского сада мать стригла ее волосы под каре, и даже на Первое сентября Ксюша пришла без бантов.

Когда учительница — Дарья Ивановна — представила ее всему классу, Ксюша растерялась и опустила глаза в пол. Невольно руки потянулись к колготкам, и она дернула их вверх. Тут же покраснела, услышав смехок с передних парт.

— Проходи на свободное место, — сказала учительница, подталкивая Ксюшу к ребятам, и сама прошла к своему столу.

Ксюша сделала несколько шагов и осмотрела парты. Перед ней, на втором ряду, оказалось свободное место. Она взглянула на кудрявую девочку с большими бантами, которая сидела на соседнем стуле, и мысленно попросила у нее разрешения занять место рядом.

— Здесь занято, — резко ответила девочка, считав вопрос с лица Ксюши, и пересела на пустой стул.

Ксюша с недоумением уставилась на нее.

— Моя соседка выйдет через три дня, — нашла необходимым добавить кудрявая девочка.

— Бронникова, что там у тебя? — заметив замешательство, спросила Дарья Ивановна.

— Новенькая хочет сесть на место Саши. Я сказала, что оно занято.

— Пусть пока сядет. Как Зайцева выйдет, найдем новое место.

— Нет, я не хочу с ней сидеть. Она некрасивая.

Учительница что-то ответила Бронниковой, но Ксюша ее не услышала. Она сжалась, словно ее ударили, и пошла дальше вдоль парт. Ей никогда не говорили этих слов, и она не задумывалась о своей внешности, но вдруг отчетливо ощутила себя некрасивой. Ей стало очевидно, почему с ней и раньше не хотели дружить.

Она проходила мимо столов, не поднимая глаз на одноклассников, и лишь отыскивала свободные места. Так она дошла до последнего ряда. Справа сидел мальчик с узкими глазами и очень короткой стрижкой. На соседнем месте стоял его портфель, и Ксюша, не рискнув спросить у мальчика, свободно ли рядом место, перевела взгляд налево. Парты у стены были не заняты, но около нее не было ни одного стула. «Может, я попрошу у него стул и сяду одна за пустую парту?» — подумала Ксюша и робко посмотрела на мальчика.

Но прежде чем она открыла рот, мальчик убрал свой портфель со стула.

— Садись, здесь свободно, — прошептал он.

Ксюше стало неловко задавать вопрос, и она опустилась на стул.

— Спасибо, — едва слышно сказала она.

Первого сентября был только классный час, на котором рассказали, какие новые уроки у них появятся и какие будут завтра, выдали учебники и отпустили домой. Ксюша выходила из класса последней, и никто не задержался, чтобы с ней познакомиться. Ребята, кто бегом, кто неторопливо шли по коридору на выход, и Ксюша с грустью поплелась следом, боясь отстать и заблудиться.

Так легко в своих фантазиях она кричала: «Эй, девчонки, подождите меня» — и, преодолевая смущение, спешила к ним и начинала знакомиться. Они откликались и вовлекали ее в свой круг доверия. И даже та девочка с кудрями, которая не пустила ее к себе за парту, улыбалась ей и извинялась за свое поведение. Ксюша ободряюще хлопала ее по плечу и все прощала. Ведь она дружелюбная девочка и не держит ни на кого зла. И вот она окружена друзьями, и ее жизнь становится насыщеннее и интереснее. И легче переносится нелюбовь матери. Друзья ценят и дорожат ею. Она им нужна.

Но в реальности ее язык отяжелел, и ни один звук не слетел с губ.

Она стояла во дворе школы. В безоблачном небе светило яркое солнце, ветерок подгонял первые опавшие листочки, птички по-весеннему радостно щебетали, перелетая с места на место, и в солнечных лучах наступающей осени так хотелось чувствовать тепло и магию сменяющегося времени года, но Ксюшу пробирала тоска и озноб. Она была одна среди десятка мальчишек и девчонок, и никто ее не замечал.

Она видела свой дом, свое окно, но туда ей идти не хотелось. Мать устроилась на работу, но каждый раз приходила недовольная. Ее взяли продавщицей овощей и фруктов, и от нее пахло землей и луком. Грязь от картошки за день впитывалась ей в руки, и она с остервенением терла их под краном, пытаясь отмыть добела. Ксюша слышала, как она ругалась с воображаемым начальником, который не дал ей аванс при трудоустройстве, обязав отработать две недели. А деньги были нужны: продукты заканчивались, звонил кто-то из знакомых матери, кто занимал ей денег, требуя вернуть долг, пришли счета за квартиру. Везде надо было платить. Пособия по утере кормильца на все не хватало.

Только желание изложить беды на бумаге, превратив их в сказочное спасение, заставило Ксюшу вернуться домой. Она написала рассказ, где пошла помогать матери на работе, и та стала ее благодарить и больше ценить.

Но вечером пришла мать, зло бросила сумку и напрямик направилась на кухню, оставляя за собой легкий овощной аромат. Ксюша на цыпочках прокралась к своей двери и выглянула в коридор. Мать открыла холодильник, достала початую бутылку водки и стала пить прямо из горла. Сделав несколько глотков, она оторвалась от бутылки и стукнула ею по столу.

— Чертов ублюдок! Гад! Ненавижу! — глядя в никуда, закричала мать.

Ксюша не вышла к ней. Ее раздирало любопытство, что же произошло, но попытаться вывести — все равно что напроситься на грубость.

На следующее утро, когда мать не встала к завтраку, Ксюша отважилась ее разбудить. Та работала посменно, и сегодня тоже была ее смена. От матери разило перегаром, и Ксюшу едва не стошнило. Она отступила и на расстоянии наблюдала, как мать ворочается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.